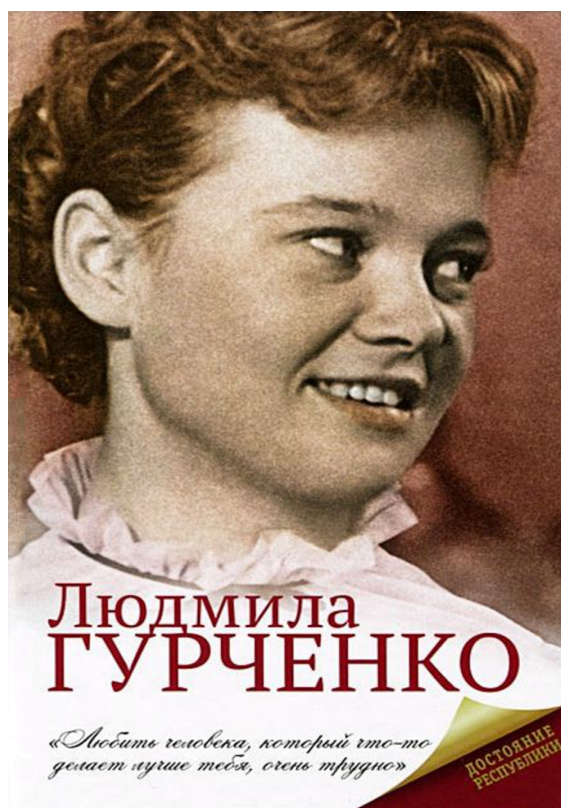

Людмила Гурченко

Сост. Е. Мишаненкова

Пролог

На вопрос, как ее объявлять, она обычно говорила просто: «Как хотите, только без званий. Лучше всего – «У вас в гостях...». И действительно, зачем перечислять звания и награды или фильмы, в которых она играла? Все и так знают, кто она. Стоило конференсье объявить: «А сегодня у вас в гостях Людмила Гурченко!» – и зал взрывался аплодисментами.

Ее на самом деле знают абсолютно все. И у каждого есть свое мнение о ней. Кто-то ее любит, кто-то ненавидит, но к ней невозможно остаться равнодушным. Ее индивидуальность, яркость, непохожесть на других мгновенно выделяют Людмилу Гурченко из любой толпы и привлекают к ней зрительское внимание даже в крохотном эпизоде. Так было пятьдесят лет назад, когда она только начинала свою актерскую карьеру, так оставалось и до ее последнего часа.

Ее любят изображать пародисты – естественно, ведь это очень легко. Любого другого актера зрители могут узнать, а могут и не узнать, но стоит заговорить голосом Людмилы Гурченко и сделать несколько ее характерных жестов, как зал в полном восторге.

Она сыграла в кино не так уж много главных ролей, ведь полтора десятка лет ее практически не пускали на экраны. А стоило ей наконец пробиться, развернуться во всю ширь своего огромного таланта, как началась Перестройка, и фильмы почти перестали снимать. Но даже в таких трудных условиях, постоянно сражаясь за место под солнцем, борясь за каждую роль, Людмила Гурченко сумела стать звездой. Не звездочкой, снявшейся в одном фильме и разрекламированной желтой прессой, а настоящей звездой, причем во всех жанрах, в которых ей приходилось играть.

Наверное, она единственная артистка, у которой не было устоявшегося амплуа. Она одинаково блистала в

драмах, комедиях, мюзиклах, на эстраде и в концертах. Ее таланта хватало на все, и каждую свою роль она играла в полную силу, отдавая будущему фильму всю себя без остатка. «Какой она партнер! – говорил о Гурченко Эльдар Рязанов. – Находясь за кадром, то есть невидимой для зрителей, она подыгрывала Олегу Басилашвили и, помогая мне вызвать у него нужное состояние, плакала, страдала, отдавала огромное количество душевных сил только для того, чтобы партнер сыграл в полную мощь...»

Таких как она ни в советском, ни в российском кино больше не было. Да и вряд ли будет. Чтобы стать Людмилой Гурченко, мало родиться талантливой, надо еще пройти оккупацию, преодолеть испытание «медными трубами», пережить годы гонений и забвения. Она создала себя сама, раз за разом восставая из пепла словно феникс.

Актриса, которую невозможно забыть.

Людмила Гурченко.

Глава 1

Людмила Марковна Гурченко родилась 12 ноября 1935 года в прекрасном украинском городе Харькове, в семье Марка Гавриловича Гурченко (1898–1973) и Елены Александровны Симоновой-Гурченко (1917–1999).

Людмила Гурченко любила говорить, немножко

бравирюя таким контрастом, что ее мать происходила из дворян, а отец – из батраков. Необычная пара. И действительно – чем больше читаешь рассказы актрисы о ее родителях, тем лучше понимаешь, что трудно представить себе двух более разных людей. Но несмотря на все различия... а может быть, и как раз благодаря им, они прожили вместе много лет и воспитали совершенно необыкновенную дочь.

Конечно, можно сколько угодно говорить о врожденных качествах, судьбе, предопределении, но все же человека формирует его ближайшее окружение и в первую очередь семья. И Людмила Гурченко сама не раз повторяла и в своих биографических книгах, и в многочисленных интервью, что ее – такую, какая она есть – создала ее семья. Именно от родителей, и в первую очередь от отца, она получила свою искрящую жизнерадостность, умение всегда оказываться в центре внимания, ну и конечно же – огромную любовь к музыке.

Хотя, вообще-то, и ее дед с материнской стороны прекрасно пел и считал, что музыкальность внука получила как раз от него. В свое время он очень сожалел, что дочь не унаследовала его музыкальные таланты, но говорил, что это неудивительно, такие способности передаются через поколение. Так и получилось – спустя много лет Людмила Гурченко точно так же сокрушалась, что ее собственная дочь не испытывает никакой тяги к музыке.

Впрочем, Александра Прокофьевича Симонова –

своего деда по материнской линии – она видела всего раз в жизни. Он был человеком очень интеллигентным, происходил из хорошей семьи и до революции был директором одной из московских гимназий. Революцию он не принял, тем более что и жена его, Татьяна Ивановна, настоящая столбовая дворянка, была настроена крайне непреклонно. «Неужто ты – Симонов! – будешь мужичонков обучать?! Не бывать этому!» – говорила она. Что поделать, тогда они и правда верили, что нужно только потерпеть, переждать, и все вернется на круги своя.

Ничего, конечно же, не вернулось, им пришлось смириться с новой властью и попытаться забыть о прошлом, но вот новая власть о них не забыла – в середине 20-х Александра Прокофьевича арестовали и выслали в Сибирь, а все его имущество конфисковали. Правда, семью не тронули, поэтому он надеялся, что сможет устроиться на новом месте, и тогда они переедут к нему.

Но жизнь повернулась иначе. В ссылке Александр Прокофьевич завел роман с другой женщиной. И хотя, как это чаще всего и бывает, он вскоре опомнился и пытался помириться с женой, та не пожелала его прощать. К тому времени их шестеро сыновей – Владимир, Сергей, Юрий, Борис, Александр и Константин – уже были достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно работать и учиться, в помощи отца они не нуждались. Ну а две дочери – Елена и Лидия

еще оставались на попечении матери.

Им тогда пришлось нелегко, ведь у Татьяны Ивановны, столбовой дворянки, супруги важного человека, конечно же, не было никакой профессии. Она воспитывалась как будущая хозяйка дома и мать семейства. Но когда ей пришлось выживать своими силами, она не опустила руки. Татьяна Ивановна с дочерьми переехала в Харьков, где ее сын Сергей работал инженером на железной дороге, сняла маленькую комнату на окраине и устроилась уборщицей на Харьковском велосипедном заводе.

Какой была Татьяна Ивановна в молодости? Какой бы она стала, не будь революции, предательства мужа, страха и разорения? Кто знает. Но тяжелая жизнь превратила ее в нелегкого человека. Честного, порядочного, но не слишком приятного – от таких пуритански строгих, расчетливых, жестких женщин все стараются держаться подальше. А уж мужчины и дети особенно.

Мать Людмилы Гурченко вспоминала, что в их доме всегда царили строгость, порядок и экономия. Даже в те времена, когда отца еще не арестовали. Детей воспитывали сурово – мать они называли на «вы», питались очень просто, одевались тоже в самую простую одежду, за любую провинность их строго наказывали... а между тем все у них было – и деликатесы, и наряды. Просто такие в семье были правила, что все лучшее приберегалось на «потом», «на вырост», ну и, конечно, на праздники, во время

которых детям позволялось и наряжаться, и вкусно поесть, и, возможно, даже нарушить какие-то правила.

Это «потом» так никогда и не настало – все приберегаемое конфисковали, а Татьяна Ивановна стала работать уборщицей и содержать дочерей, Елену и Лиду, на свою крошечную зарплату... Смешно и грустно, но для девочек не так уж многое и изменилось. Их жизнь осталась такой же серой, простой и по-казарменному строгой. Вот только не стало больше праздников, в ожидании которых они жили прежде. На это денег не хватало.

А потом в серой жизни Елены Симоновой появился Марк Гурченко...

Вот именно такой была речь Марка Гавриловича Гурченко, и его дочь всегда, рассказывая о нем, с удовольствием воспроизводила его неповторимый стиль. Она считала, что без этой речи его образ будет неполным, не совсем настоящим, лишенным его живости и обаяния. Причем, на самом деле, Марк Гурченко прекрасно умел говорить на правильном русском языке и даже с московским выговором. Он иногда любил ошарашить этим знакомых, которым что-то рассказывал в своей обычной манере, а потом, пародируя своего шурина Бориса или еще кого-нибудь, вдруг выдавал фразу безо всякого диалекта, на литературном языке и даже твердо, по-русски, выговаривая букву «г». Но постоянно так говорить отказывался, предпочитая свою привычную, простонародную, живую, полную украинизмов, речь.

Родился Марк Гаврилович в деревне Дунаевщина Рославльского района Смоленской области.

Любопытная подробность – родился он в 1898 году, но всем говорил, что в 1899-м. Объяснял он это тем, что те, кто родился в 1898 году, еще служили в царской армии, а кто младше – уже не попали под последний призыв. А поскольку он не служил, значит, и родился в 1899 году. Такая вот у него была собственная оригинальная логика.

Жизнь у него, как у подавляющего большинства крестьян, конечно, была нелегкая. С девяти лет он уже работал – пас помещичьих лошадей. Отец бил его смертным боем, и даже не со зла, а потому что так принято было – не меньше доставалось остальным детям, да и матери тоже. Но никаким побоям было не сломить его брызжущую жизнерадостность. Да и зла он на отца нисколько не держал ни за побои, ни даже за то, что тот едва не пристрелил его, когда он решился однажды дать сдачи. К счастью, ружье дало осечку.

Впрочем... учитывая, как Марк Гаврилович любил приукрашивать истории из своей жизни, полностью верить тому, что он рассказывал, было нельзя. Людмила Гурченко вспоминала, например, как отец часто рассказывал, что когда он на войне выступал в военно-прифронтовой концертной бригаде, маршал Рокоссовский ему лично баян подарил. И каждый раз история обрастала новыми деталями и видоизменялась в зависимости от его настроения. Иногда баян вручал

ему лично Рокоссовский, иногда ему уже после концерта передавали от маршала баян и личную благодарность, а как-то раз и вовсе получилось, что выступал он перед Рокоссовским, а баян ему вручил сам Жуков. На самом же деле все было несколько прозаичнее – Марку Гурченко вручили баян «Фрателли Грозио» и грамоту за отличное служение Родине и честное отношение к своему долгу. И перед Рокоссовским он действительно однажды выступал. Но эти два события были никак между собой не связаны.

Но история с баяном была уже в Великую Отечественную, а с Еленой Симоновой Марк познакомился в 1934 году. К тому времени он уже успел повоевать в Гражданскую, потом уехал в Кривой Рог работать на шахтах забойщиком, а в 1932 году оказался в Харькове. Тогда многих способных рабочих отправляли получать образование, а он был известен как музыкант – сам освоил гармонь, а потом и баян, играл на всех праздниках. Вот его и послали учиться. Но профессионального музыканта из него не вышло, он сам признавал, что не по его образованию был этот институт – два года он «вгрызался» в науку, пытался понять теорию, гармонию, а заодно и политэкономия, без которой в то время ни одна специальность не обходилась – и все, терпение его иссякло.

Вот так и состоялось его знакомство с Еленой Симоновой. Она в то время училась в девятом классе,

была младше него на девятнадцать лет и, конечно, смотрела на него как на взрослого дядю, но... Синеглазый, темноволосый, с ослепительной улыбкой, музыкальный и пластичный, танцующий лучше всех вокруг – он был словно живым воплощением того праздника, о котором она в родном доме уже и забыла. «Может, тогда и надо было мне от него отойти, но куда? – вспоминала она о том, как он сделал ей предложение. – У мамы моей мрак. А ко мне никто в жизни так не относился, а я уже привыкла, что есть Марк. Потом изучила его характер, обходила углы, чуяла, откуда ветер. Всю жизнь как на бочке с порохом. А мама с тетей Лидой еще ничего тогда не знали. Потом узнали... в школу ходить перестала...»

Татьяна Ивановна зятя-батрака, конечно, не приняла, но Елена обошлась и без ее согласия – просто расписалась в загсе и ушла жить к Марку. Ее сестре Лиде было строго-настрого запрещено с ней общаться. Но куда там! Марк Гаврилович же кормил Лиду конфетами, которых она в родном доме не видела, наверное, с тех пор, как сослали отца. Конечно, она была на стороне его и Елены и предупредила их, когда Татьяна Ивановна решила прислать сыновей, чтобы они забрали непутевую сестру домой.

Дело закончилось дракой, в которой Марк, конечно, победил интеллигентных Симоновых, после чего они его сразу зауважали. А потом пришел черед и Татьяны Ивановны – со временем и она поддалась на его обаяние, оценила его жизнелюбие, любовь к семье и

твердый характер. Людмила Гурченко вспоминала, что бабушка с удовольствием их навещала, а о зяте говорила: «Это не какой-нибудь подлечуга и провокатор. Жаль, не дал ему господь образования, но человек он удивительно доброкачественный и красивый».

Глава 2

Когда родилась Людмила, ее матери было всего восемнадцать лет. Школу Елена Симонова-Гурченко так и не закончила – выйдя замуж, стала работать вместе с мужем. К тому времени он, в том числе и с ее помощью, был уже довольно популярным массовиком и проводил разные праздники, утренники, вечера как для детей в школах и Дворце пионеров, так и для взрослых – в рабочих клубах и на предприятиях.

Когда Елене пришло время рожать, имя для будущего ребенка было еще не выбрано. То ли из суеверия, то ли никак они с мужем не могли во мнениях сойтись, то ли просто были заняты так, что не было времени серьезно подумать и обсудить. В итоге, дело решил случай. Когда Марк Гаврилович отвез жену в роддом, он на нервной почве пошел в ближайший кинотеатр. И там его неожиданно до глубины души впечатлил какой-то приключенческий американский фильм, где красавец Алан спасал свою похищенную возлюбленную Люси. Он вернулся в

роддом и послал жене записку: «Лель! Детка моя! Если в меня будить орел, назовем Алан. Если девычка, хай будить Люси».

Елена даже спорить не стала – слишком хорошо знала его упрямый характер. Только вздохнула с облегчением, когда родилась девочка, – имя Алан Маркович ей казалось уж слишком ужасным. Кстати говоря, тогда, как и сейчас, подобные «выпендрежи» были не редкостью – увлеченные заграничным шиком, родители называли детей Джонами и Изабеллами, а иногда могли и вовсе дать имя с афиши, не интересуясь его значением – Баядера или Травиата.

К счастью, Людмиле Гурченко повезло с загсом, где ее регистрировали. Там сказали, что имени Люси нет, и предложили назвать девочку старым славянским именем Людмила, которое в домашнем обиходе можно легко сокращать до Люси, если родителям так нравится.

Первые годы своей жизни будущая великая артистка прожила в маленькой подвальной комнатке в Мордвиновском переулке города Харькова. Но разве в детстве так уж важно, где ты живешь, в хороммах или в чулане? Главное – маленькую Люсю очень любили родители, особенно отец, и она тоже их обожала. Поэтому свое раннее детство она вспоминала как сплошной праздник. Да что там – все, кто бывал у них в доме, запоминали этот праздник, который так легко и умело создавал Марк Гаврилович одним своим присутствием.

Кто бы ни приходил к ним в гости, ему накрывался стол, хозяин доставал баян, и начинался концерт, в котором очень быстро стала участвовать и его маленькая дочь. Людмила Гурченко вообще часто повторяла, что она выросла в музыкальное время и в музыкальной семье, поэтому петь научилась раньше, чем говорить. Отец радовался ее талантам, с удовольствием демонстрировал их всем гостям и даже не забывал «платить» дочери за ее «выступления» конфетами.

Большая часть детских воспоминаний Людмилы Гурченко так или иначе связана с ее отцом. В своей книге «Мое взрослое детство» она постоянно его вспоминает, рассказывает, каким он был веселым, красивым, дружелюбным – душа компании! Без сомнения, она была «папиной дочкой», чего, впрочем, и не скрывала. Она пела и плясала вместе с ним, скрывала от матери, когда узнавала что-то о его флирте с другими женщинами, восхищалась его добротой, широтой души, щедростью и чистой, почти детской душевностью и открытостью.

Глава 3

Счастливое детство прервала война. Маленькой Люсе было пять с половиной лет, когда в один прекрасный солнечный день, с виду ничем не отличающийся от остальных июньских дней, родители

забрали ее из летнего детсадовского лагеря и увезли домой, в Харьков. Город уже бомбили, отец собирался добровольцем на фронт (из-за двух грыж он не подлежал призыву), мама плакала, все бегали, суетились, а пятилетняя девочка еще не понимала, что прежней жизни пришел конец.

Но непонимание длилось недолго. Марк Гаврилович, несмотря на возражения жены, взял дочь в город после бомбежки. Он знал, что такое война – пережил уже и Первую мировую, и Гражданскую – и знал, что нет смысла пытаться оградить ребенка от происходящего. Пришла пора взрослеть.

И пятилетняя Люся пошла вместе с отцом смотреть на развалины, оставшиеся от ее любимого Дворца пионеров и от сверкающего городского пассажа, на раненых людей, на кровь, слезы, боль и смерть.

Впереди ее ждали оккупация, треск автоматов, качающиеся на ветру трупы... но она уже была готова, она видела смерть и знала, что та существует...

Когда Марк Гаврилович ушел на фронт, двадцатичетырехлетняя Елена, оставшаяся одна с пятилетней дочерью на руках, не знала, что делать. Первое время надеялась, что удастся эвакуироваться, но власти вывозили заводы и прочие важные предприятия, а работники филармонии чиновников не интересовали. Поэтому 24 октября 1941 года, когда в Харьков вошли немцы, Люся вместе с мамой по-прежнему жила в привычной подвальной комнатке. Началась первая оккупация – до 15 февраля 1943 года,

когда Красная армия первый раз освободила город Харьков. Казалось, что самое страшное они уже пережили, но нет – уже 15 марта немцы вновь заняли город, и на этот раз вместо войск вермахта в Харьков пришли отборные войска СС... И пережить вторую оккупацию даже женщинам и детям удалось далеко не всем.

Конечно, и первая оккупация была тяжелым временем. Из дома, где жила семья Гурченко, всех выселили – там расквартировали немецкую часть. Но найти другое жилье в опустевшем городе было не очень сложно, и Люся вместе с матерью вскоре оказалась в соседнем доме, где познакомилась с женщиной, оставившей неизгладимый след в ее памяти.

Звали новую соседку тетей Валей, она была яркой, эксцентричной и была примером такой квинтэссенции женственности, которую не может сломить даже война. Она красила волосы, носила бантики, могла за ночь сшить шляпку, а однажды вообще умудрилась сшить себе из коврика туфли! Кажется, именно тогда Людмила Гурченко поняла, какой она хочет стать, когда вырастет. Тем более что тетя Валя сама имела отношение к театру (она была костюмершей) и очень скоро сказала Елене: «Наша доця будет артисткой, Леля. У меня глаз набитый. Я ведь тоже артистка... О! Если бы не война... Хо-хо!»

При этом, что очень важно и что маленькая Люся запомнила на всю жизнь – женственная, яркая,

эксцентричная женщина вовсе не значит беспомощная и бесполезная. Во время оккупации все выживали как могли, и тетя Валя была из тех, кто сумел найти вполне легальный и удивительно выгодный «бизнес». На базаре она покупала у деревенских баб спутанные мотки ниток, распутывала их, а потом наматывала на палочки. Эти катушки раскупали в один момент, во время войны, как всегда, не хватало прежде всего еды, а во-вторых – таких вот бытовых, необходимых для жизни мелочей, как нитки, иголки, пуговицы. Люся иногда ей помогала и вот тогда, проведя много долгих нудных часов за этой кропотливой работой, поняла, какое терпение и упорство скрываются за яркой внешностью их соседки.

У Елены Александровны такого «бизнеса» не было. Она вообще была плохо приспособлена к самостоятельной жизни – из-под контроля строгой матери сразу перешла под присмотр веселого беззаботного мужа, а потом вдруг, безо всякой подготовки, осталась одна с ребенком на руках. Возможно, не будь у нее дочери, она бы просто пассивно опустила руки и погибла. Но ей надо было кормить Люсю, и она стала учиться выживать.

Как бы то ни было, они сумели выжить. Елена ходила на «грабиловку», собирала вместе с другими харьковчанами все, что может гореть, и топила этим печку. Ей даже удавалось выдавать себя за старуху и так избежать угона в Германию. А в конце зимы она решилась на так называемую «менку», опасный поход

в деревню через лес, за который ей, попадись она немцам, грозила бы казнь – всех, кого ловили в лесу, сразу причисляли к партизанам. Суть «менки» была проста – городские женщины находили хутора, до которых не добрались немцы, и обменивали там вещи на еду. Конечно, можно было безопасно обменять и в городе, на рынке, но там спекулянты давали буханку хлеба за вещь, которую у крестьян можно было выменять на целый мешок муки. Поход завершился удачно – через две недели, когда Люся уже и не чаяла увидеть мать живой, та вернулась и привезла мешок муки, сало, хлеб, яйца и бидон меду. Все это она выменяла за свое новенькое пальто, подаренное мужем прямо перед войной, и его такой же новый макинтош. Смерть от голода им с дочерью больше не грозила.

Ну а заботой шестилетней Люси зимой 1941 года была прежде всего вода. Спустя десятки лет она вспоминала серую мрачную очередь к единственной проруби так, словно это было вчера, настолько четко та отпечаталась в ее памяти. Каждый с ведрами и кочергой – отталкивать трупы, всплывающие в проруби. А потом – долгая дорога домой с двумя тяжелыми ведрами, тащить которые не под силу шестилетней девочке.

Удивительно, но несмотря на все пережитое, Людмила Гурченко не прониклась глухой, смертельной ненавистью к немцам. В ее характере проявилось редкое даже для взрослых людей свойство

– она оценивала людей по отдельности, а не всех скопом. Поэтому и тогда для нее немцы были разными: одни – злые, которые заставляли смотреть на казни и отбирали воду, а другие – хорошие, которые пели песни, снисходительно относились к проступкам и могли накормить голодного ребенка. Более того, скоро она научилась отличать их по взгляду и всегда знала, к кому можно подойти, а от кого надо прятаться.

Первым «хорошим немцем» в жизни Люси был денщик командира части, Карл – он поймал Елену на нарушении распоряжения, но только погрозил пальцем и отпустил. А потом, когда присматривал за русскими женщинами, занимавшимися уборкой, настроил радио на московский канал. Впервые за полгода в оккупированном Харькове громко прозвучала сводка Совинформбюро...

Вскоре после этого Люся и решила рискнуть и присоединиться к детям, дежурившим с кастрюльками у солдатской столовой. Но она уже прекрасно понимала, что детей много, еда достанется не всем, значит, надо поступать так, как всегда советовал папа – выделиться из толпы. На то она и будущая актриса! И она сделала то, что умела – запела. Сначала «Катюшу», а потом немецкую песенку, в которой не понимала ни слова – с ее прекрасной памятью, она легко заучивала песни на незнакомом языке, пусть он и звучал для нее абракадаброй. Это была знакомая каждому немцу рождественская песенка «О

Tannenbaum»... Успех был выше всех ожиданий – Люсе налили полную кастрюльку супа, а главное, ее после этого запомнили и вскоре уже сами ждали к обеду маленькую «Лючию шаушпиллер».

Что означало это странное слово, Люся не знала. А потом, конечно, забыла об этом, в жизни было много и других забот. Но спустя много лет, когда она после «Карнавальной ночи» поехала в Германию в составе советской делегации, она вдруг услышала: «Шаушпиллер Людмила Гурченко». А потом и перевод слова, которое так интересовало ее в шестилетнем возрасте: «Актриса».

Летом 1942 года жизнь в Харькове оживилась. Заработали Театр оперетты и кинотеатр. Фильмы шли немецкие, без перевода, но ходили в кино только местные жители, немцы боялись скопления народа. Первым фильмом в жизни Людмилы Гурченко стала «Девушка моей мечты». Это был фурор, фейерверк, переворот в душе шестилетней девочки. Она увидела живое воплощение своих грез – вот оно, счастье, вот кем она хочет стать, когда вырастет! Именно тогда она впервые твердо сказала себе, что обязательно будет киноактрисой.

А война продолжалась. Обстрелы, бомбежки... Осенью немецкую часть, стоявшую в Харькове, возглавил новый командир, после чего все поблажки и кормежки прекратились. Вновь подкрался призрак

голода, но Люся и тут не унывала – мальчишки-хулиганы взяли ее в свою компанию, воровавшую на базаре еду. Сейчас, конечно, можно ужаснуться и возмутиться, но для голодного ребенка такой способ добычи еды казался не хуже других – все средства хороши, чтобы выжить. К тому же в семь лет подобные авантюры воспринимаются не как преступление, а как приключение. Правда, когда она рассказала об этом маме, та пришла в ужас и заставила ее пообещать никогда больше не воровать. Но толку от этого не было, слишком уж сильно засел в Люсе страх перед голодом. Она дала слово, но подворовывать продолжала до двенадцати лет, и где-то в укромных уголках у нее всегда были запасы на «черный день». Кстати, Толика – одного из тех*censored*ганов – Людмила Гурченко встретила через много лет, когда работала в «Современнике». Конечно, он к тому времени тоже был давно не*censored*ганом, а серьезным человеком, горным инженером. Но память об оккупации и в нем засела так крепко, что когда он увидел Людмилу Гурченко в фильме, то сразу узнал в знаменитой актрисе свою семилетнюю подружку.

Потом была зима 1942–1943 года, темная, ледяная, страшная, когда голод все же догнал маленькую Люсю, и она едва не стала еще одной строчкой в списке миллионов жертв войны. Она лежала без движения, ничего не видя, не помня и уже не желая от жизни. Но Елене удалось спасти дочь – под бомбежками она выволокла из горящего немецкого

склада коробку с тушенкой и спасла дочь от голодной смерти. Если бы не удалось – умерли бы обе, ведь и сама она держалась только потому, что ей надо было заботиться о Люсе. От звуков бомбежек она уже не вздрагивала и не раз в минуты отчаяния говорила, слышав рев сирен: «Господи, вот бы р-раз-и все! Ну нет же сил! Ну нет же сил! Больше не могу...»

15 февраля 1943 года закончилась первая оккупация, и в Харьков вошла Красная армия. Но... всего на месяц. Да и этот месяц не запомнился ничем хорошим. Снова были казни и грабежи – расстреливали пленных немцев и тех, кто на них работал, а потом толпа набрасывалась на трупы и раздевала их, вырывая вещи друг у друга.

А потом Красная армия отступила, и началась вторая оккупация, еще более страшная, чем первая, потому что на этот раз в город пришли эсэсовцы.

С шести вечера был объявлен комендантский час, вновь начались расстрелы, теперь куда более массовые, но и днем ходить по улица было небезопасно. Всех подозрительных просто вешали на балконах, а иногда и попросту – сгоняли собаками всех, кто был на базаре, и травили газом в черных машинах-«душегубках».

Но несмотря на все это, вторую оккупацию Люся с матерью пережили даже легче, чем первую. Видно, ко всему человек привыкает. Слабая несамостоятельная Елена к тому времени превратилась в настоящего бойца за жизнь. Сначала торговала табаком, потом

устроилась уборщицей в «приличное» кафе, которое посещали успешные торговцы и младшие немецкие офицеры. Кстати, в этом кафе маленькая Люся впервые влюбилась – в красавца-музыканта, игравшего там на баяне и певшего песни прекрасным баритоном. После освобождения выяснилось, что он там шпионил для партизан, но что с ним стало потом, она никогда не узнала.

Глава 4

И вот 23 августа 1943 года Харьков наконец-то был окончательно освобожден. Война еще продолжалась, но жизнь в городе начала налаживаться уже по мирному образцу. Не было больше казней и комендантского часа, стали вновь открываться предприятия, отстраивались разрушенные здания. Люсины мама устроилась в кинотеатр – работать ведущей «джаз-оркестра», игравшего перед сеансом. А сама Люся пошла в школу. Ближайшая русская школа была далеко, поэтому она пошла в украинскую, хотя почти не знала языка. Впрочем, она такая в классе была не одна, первое время половина детей хихикали над каждой фразой учительницы. Но через несколько месяцев привыкли и выучили украинский не хуже русского.

А после школы Люся бежала в кинотеатр. Благодаря тому, что ее мама там работала, она могла ходить в

кино бесчисленное количество раз, да еще и одноклассников с собой водила.

Кроме кинотеатра, было еще одно место, где Люся обязательно бывала каждый день – госпиталь. Она пела для раненых, танцевала, смешила их, рассказывала новости, выполняла разные мелкие поручения. И для всех у нее был свой репертуар. Тяжелораненым, к которым ее приглашали медсестры, она пела что-нибудь торжественное о войне, выздоравливающим – о любви, совсем молоденьким солдатам – о матерях. Ей аплодировали, угощали чем-нибудь, заказывали новые песни. И она уходила из госпиталя счастливой, чувствуя себя настоящей артисткой, посвятившей себя служению людям и искусству.

Осенью 1944 года Людмила Гурченко поступила в музыкальную школу имени Бетховена, в класс «по охране детского голоса». На экзамене нужно было: спеть, повторить музыкальную фразу, которую сыграют на рояле, отбить ладошками предложенный ритм. Естественно, все дети пели детские песенки, а юная артистка Люся, чувствуя себя опытным профессионалом, исполнила несколько песен из своего репертуара, с которым выступала в госпитале. Да еще и с жестикуляцией – это был такой изобретенный ею способ исполнения, который она так и называла «песня с жестикуляцией». Комиссия рыдала от смеха, и, разумеется, ее тут же приняли.

Но в школе все оказалось не так просто, как она

рассчитывала. По пению она блистала, а вот теория музыки и фортепиано ей давались плохо. Но дирекция на это закрывала глаза, потому что на любых концертах Люся Гурченко была незаменима. Впрочем, со временем она все же одолела ненавистную теорию музыки, а потом и с фортепиано поладила. Кстати, учила ее сестра директрисы, дама за семьдесят, и урок они всегда начинали с торжественного этюда, который учительница ей почему-то категорически запрещала напевать. Причину этого Людмила Гурченко поняла лишь много лет спустя, когда в каком-то фильме услышала знакомую мелодию. Это было «Боже, царя храни...»

Весной 1945 года, когда все уже чувствовали, что Победа не за горами, Елена с Люсей поехали за покупками в Лубны – небольшой городок недалеко от Харькова. И на обратном пути некоторые соседи в вагоне стали проявлять к ним повышенное внимание, расспрашивать о жизни. Скорее всего дело было просто в интересе к молодой симпатичной женщине, но время было такое, что все и всех боялись (и на то было немало причин). А тут они еще возвращались с базара, с деньгами и покупками... И тут Люся переключила всеобщее внимание на себя, заявив, что учится в музыкальной школе – играет и поет. Как обычно, ее сразу попросили спеть, и она радостно устроила целый концерт – пела цыганские, военные, любовные и прочие песни из своего огромного репертуара. Все, что заказывали. Люди слушали,

улыбались, плакали, и когда поезд подошел к Харькову, устроили сбор денег и вручили их Елене. Это были первые заработанные Людмилой Гурченко деньги. И, что, пожалуй, символично, ушли они на оплату музыкальной школы.

Ну а в середине сентября произошло то, чего они ждали всю войну, а еще больше с самого дня Победы – вернулся Марк Гаврилович.

Марк Гаврилович явился, конечно же, без предупреждения. То ли просто из любви к сюрпризам, то ли всерьез хотел проверить, не завела ли жена тут в его отсутствие другого мужчину. Во всяком случае квартиру он обыскал, особенно после того, как принюхался и понял, что пахнет табаком. Конечно, ему было трудно поверить, что его хрупкая Лелечка за войну начала курить.

Но потом все быстро вошло в привычную колею, он вновь повеселел и начал раздавать подарки, попутно рассказывая, где и как сумел их добыть. Елене он привез дорогое платье, янтарные бусы, крокодиловую сумку и манто из чернобурки. Ну а Люсе досталось бронзовое зеркальце из баронского замка, велосипед, туфли и какое-то невероятное платье, которое она запомнила на всю жизнь. «Чтобы увидеть это платье, надо представить себе павлиний хвост, только не из перьев, а из бисера и переливающихся камней. Таким оно было сзади, а впереди платье было короче и висели гирлянды бисера, как на абажуре», – вспоминала она. К сожалению, вскоре платье

пришлось продать, как и все остальные подарки, – послевоенный год был не менее тяжелым и голодным, чем период оккупации. Марк Гаврилович продал его за пятьсот рублей (небольшие деньги), вскоре передумал, вернулся, но его уже успела купить какая-то актриса.

Но подарки скоро кончились, тем более что ничего ценного по меркам послевоенного времени непрактичный Люсин отец не привез, продавать стало нечего, и начал подкрадываться призрак голода. И тогда Марк Гаврилович решил съездить за продуктами в родную деревню, Дунаевщину, в которой не был уже больше пятнадцати лет. Дочь он, конечно, взял с собой – как же не похвастаться ею перед родней, тем более не факт, что она еще хоть когда-нибудь туда приедет.

Вот так она и познакомилась со своим дедом, дядей, его женой – ослепительной красавицей, и своими двоюродными братьями и сестрами. Там она узнала любопытную подробность из семейной биографии – оказывается, их фамилия на самом деле была «Гурченковы», но когда выдавали паспорта, ее отцу фамилию записали на украинский манер. Так они и стали Гурченко.

Узнала она, что еще одного ее дядю повесили немцы – он был связным партизанского отряда, и его кто-то выдал. Дом их сожгли, а бабушка, не снеся всего этого, через три дня умерла. Но самым большим сюрпризом стало знакомство с бывшей женой отца – Феклой. Когда-то давно его женили на ней родители,

но то ли они были не расписаны официально, то ли он потихоньку развелся – в двадцатые годы это было легко сделать, – но с Еленой он познакомился уже свободным человеком. Однако для его родителей настоящей его женой так навсегда и осталась Фекла, и они даже после рождения Люси еще долго надеялись, что он одумается и вернется к ней. Еще Люся узнала, что сын ее отца и Феклы, Володя, в 1946 году уже был совсем взрослым и служил во флоте. Увидела его она уже гораздо позже. Когда Марк Гаврилович умер, в последний путь его провожали Елена, Людмила и Володя со своим старшим сыном.

Ну а перед отъездом Марк Гаврилович и Люся дали для родственников и их односельчан большой концерт. То-то она гадала, зачем отец захватил с собой в деревню фрак!

Они пели, танцевали, показывали комические и акробатические номера. Марк Гаврилович развернулся во всю ширь своего таланта и обаяния, да и дочь ему старалась не уступать. В Дунаевщине, наверное, никто и никогда ничего подобного не видел. Публика смеялась и рыдала, отбила все ладоши, и в итоге провожали их в дорогу всей деревней, и все несли подарки «для Марки и его дочки от городской бабы»...

Эти гостинцы помогли семье Гурченко продержаться еще какое-то время, а потом все вновь стало выглядеть безнадежно – продукты закончились, а приличную работу Марку Гавриловичу найти не

удавалось. И тогда он втайне от жены стал работать баянистом в пивной – играть для посетителей и раскручивать их на выпивку. А поскольку он всегда был душой компании, то зарабатывать сразу стал неплохо. Да и Люся ему помогала – приходила туда петь и танцевать. Впрочем, продолжалось это недолго – Елена все же узнала, и разразился страшный скандал.

К счастью, довольно скоро после этого Марку Гавриловичу все же повезло, и они вместе с Еленой устроились работать по специальности, в санаторий для ослабленных детей, больных дистрофией.

Ну а в 1948 году Марк Гаврилович и Елена нашли наконец постоянную работу в харьковском Дворце пионеров, где и проработали двадцать лет, пока не перебрались к дочери в Москву. Люся фактически работала вместе с ними – она участвовала во всех постановках и мероприятиях, помогала матери вести уроки бальных танцев. Ну а свободное время, как и прежде, отдавала музыке и кино, обожала Любовь Орлову и опять по десять раз ходила смотреть любимые музыкальные фильмы.

В это время, будучи уже подростком, она из «папиной дочки» неожиданно для себя самой превратилась в «мамину». Не во время войны, когда они вместе выживали, а именно сейчас, когда она из девочки начала превращаться в девушку и уже другими глазами смотрела на мир, на отношения между людьми и на собственных родителей. Прежняя

безоглядная влюбленность в отца поугасла, теперь она уже понимала, что у него трудный характер, что он грубоват, простоват и плохо образован. В это время она его даже стыдилась... а потом всю жизнь ей было стыдно уже за себя, свое поведение и свои нехорошие мысли об отце.

Скандал разразился после того, как она сводила родителей на свой самый любимый на тот момент фильм «Спринг Тайм» – трофейную американскую комедию, героиня которой в финале пела арию из оперы «Царица», написанной для нее героем. Плохая это была идея – Марк Гаврилович фильма о любви не любил, скучал, постоянно переспрашивал, что происходит, раздражая всех окружающих, а после фильма еще и сказал, что уже слышал эту музыку. Люся вышла из себя – мало того, что он испортил ей просмотр, так еще и выдумывает. Ну где он мог уже слышать музыку из нового американского фильма? Все это она и высказала вслух, причем довольно резко...

Потом с Люсей долго разговаривала мама, объясняла, что с папой так нельзя, что это его большая трагедия, что он, такой талантливый человек, не смог вовремя получить образование. И что вся широта его души, вся мощь природы, вся жизнь, которая в нем искрит, – так и остались из-за этого не востребованными. Глухая деревня, работа на шахтах, Гражданская война – все это не дало ему развиваться так, как он мог бы. Ему всегда приходилось

биться за жизнь, и на себя у него никогда не было времени. «Да если бы папе дать все то, что он делает для тебя. Он бы, может, горы свернул... – говорила она. – Он сказал – умру, но у Люси будет «какое ни на есть само высшее образование...» Иди извинись перед папой».

Конечно, со временем все наладилось, они сумели пережить этот конфликт, простить взаимные обиды, и с того времени Людмила Гурченко стала понимать своих родителей намного лучше. Да и полюбила даже сильнее – уже не интуитивно, идеалистично, по-детски, а понимая все их недостатки. А вскоре она вдруг услышала по радио ту самую музыку из «Спринг Тайм», о которой ее отец говорил, что знает ее. Это оказалась... Пятая симфония Чайковского. В фильме ее просто немного перекроили, и получилась так называемая опера «Царица».

Глава 5

Где-то за год до окончания школы Людмила вдруг поняла, что ее знания очень выборочны и ограничены. Из всех предметов она толком знала лишь литературу, да и в этом во многом была заслуга учительницы – единственной во всей школе, кто на самом деле интересно преподавал свой предмет. Да и в музыкальной школе успехи были не ахти, но там она нагнала быстро – к десятому классу родители наконец

смогли купить ей пианино, и она за несколько месяцев выучила все, что запустила за несколько лет.

А вот с физикой, химией и математикой в школе было сложнее. Ну не нравились ей эти предметы, ей было не интересно. Но пришлось преодолевать себя, ведь у нее перед глазами был живой пример – ее яркий, талантливый, но увы, плохо образованный отец – и она хорошо понимала ценность знаний, ценность общей эрудиции. К сожалению, спохватилась она поздно, и потом, уже поступив во ВГИК, еще долго страдала, чувствуя свою неполноценность рядом с Сергеем Герасимовым и Тamarой Макаровой, на курсе которых она училась. Чтобы хотя бы понимать все, что они рассказывают, ей приходилось очень много читать, постоянно восполнять пробелы в знаниях, а часто и вовсе изучать что-нибудь с нуля.

Но это все ждало ее впереди, а пока, весной 1953 года Людмила закончила школу и думала, куда поступать. В Москву она ехать боялась, да и Елена была с ней в этом солидарна. Но, услышав об их сомнениях, Марк Гаврилович решительно заявил, что его дочь будет учиться только в столице и обязательно станет знаменитой актрисой!

И она отправилась в Москву. Мандраж быстро прошел, а самоуверенности ей было не занимать, так что из вагона она вышла с твердой уверенностью, что все у нее получится. Тем более что в поезде она успела познакомиться с московским юношей и очаровать его, что, конечно, еще больше подняло ее самооценку. Но

жизнь сразу слегка щелкнула будущую звезду по носу, чтобы не зазнавалась, – уже около общежития ВГИКа она обнаружила, что забыла в поезде сумку со всеми деньгами и документами. Пришлось возвращаться, искать дежурного, писать заявление и список всего, что там было. К счастью, сумка нашлась, и даже ничего оттуда не пропало.

Сдавая экзамены во ВГИК, Людмила услышала, что можно, оказывается, поступать одновременно в несколько вузов! И она быстренько подала документы еще в Щукинское училище и в ГИТИС, на отделение музыкальной комедии. Ну, в ГИТИСе она была в своей стихии – так пела и танцевала, что ей даже аплодировала приемная комиссия, хотя вообще-то аплодисменты на экзаменах были запрещены. В Щукинском все прошло не так интересно, но к следующему туру ее все же допустили. И параллельно, кстати, еще два молодых человека попробовали пригласить ее на свидание, так что она чувствовала – здесь ее место, в Москве ее наконец-то оценили по достоинству и как актрису, и как девушку!

И наконец настало время экзамена во ВГИКе. Все же ее мечты всегда были связаны именно с кино, поэтому именно в Институт кинематографии она больше всего мечтала попасть. Экзамен принимали Герасимов и Макарова, а ведь их фильмы она знала наизусть! Она старалась, рвалась, горела, показывала себя и потом с замиранием сердца услышала, что и здесь ее приняли! Ну и конечно, когда пришло время выбирать, в какой

вуз поступать, она выбрала ВГИК.

Спустя годы Людмила Гурченко вспоминала институт как самое счастливое и легкое время в своей жизни. Она дежурно отсиживала не слишком интересующие ее лекции, а потом как на крыльях неслась на любимые предметы: танец, музыка, пение, техника движения и акробатика, пантомима и гимнастика, история советского и зарубежного кино, музыка в кино. И конечно, актерское мастерство, которое вел сам Герасимов.

Хотелось бы сказать, что все давалось ей легко и без проблем. Но нет. Были у нее по собственному признанию три «недуга». Первый проявился, когда надо было делать этюды – маленькие сценки, призванные показать фантазию и актерские умения. Это с виду простое задание для Людмилы оказалось пыткой. Дело было в том, что ее жизненный опыт не годился для придумывания этюдов в московском вузе. Вот, например, надо показать страх перед мышью. И как это? Какой еще страх перед мышью может быть у девушки, которая в оккупированном Харькове равнодушно проходила мимо крыс, едва не наступая им на хвосты. Справиться с этюдами удалось не сразу, но в конце концов она все же нашла свой рецепт от этого «недуга» – «самое главное – физическое, целеустремленное действие. А слова сами лягут органично и легко».

Но тут проявился второй «недуг», и звался он политэкономией. Людмиле и само слово-то казалось

странным, в ее понимании политика – это была война, а экономия – деньги на черный день. Первое время она на занятиях чувствовала себя полной идиоткой. Помог преподаватель, у которого хватило такта и терпения оставить ее после уроков и объяснить азы своего предмета буквально на пальцах, максимально упрощенно, чтобы она смогла вытянуть хотя бы на тройку.

Но если с первыми двумя «недугами» она кое-как справилась уже на первом курсе, то с третьим борьба была долгой, трудной и шла с переменным успехом. Самой большой проблемой Людмилы Гурченко во ВГИКе был ее харьковский выговор. Как она сама говорила, для актера харьковский или одесский говорок – все равно что инвалидность, настолько он ограничивает его возможности.

Второй курс был посвящен русской и советской классике, и Герасимов вывез учеников сниматься в своем фильме о целине. Всех, за исключением Людмилы Гурченко. Ну не вписывалась она в целинную тему. Правда, Герасимов оставил ее не просто так, она тоже должна была попробовать себя в кино, и он договорился, что она сыграет в учебном фильме по рассказу Чехова «Враги». Но стоило ему уехать, как Людмиле сказали, что она слишком молода для этой роли и пригласили вместо нее другую актрису. В итоге к концу второго курса она единственная из своей группы ни разу не снималась в кино.

Выручила ее Тамара Макарова, по протекции которой киностудия «Ленфильм» пригласила ее на небольшую роль в фильм «Дорога правды» по сценарию Герасимова. Там она сыграла молоденькую пылкую агитаторшу Люсю – комсомолку, активистку с горящим взором. И первые слова, с которыми она появлялась на экране, ей очень подходили: «Я не затем пришла сюда, чтобы молчать!» Ах, как гордились ее родители этим фильмом! Первая роль их Люси! Скоро она будет настоящей кинозвездой!

К «Ленфильму», кстати, у Людмилы Гурченко было особое отношение. На этой киностудии она не только сыграла свою первую роль. Потом, уже после звездной «Карнавальной ночи» и последующих нескольких лет травли и почти забвения, именно на «Ленфильме» ее продолжали помнить и приглашать на пробы. Там она сыграла в фильме «Балтийское небо», открывшем ее всем как серьезную драматическую актрису. А главное – в 1973 году ее пригласили в снимающуюся на «Ленфильме» картину «Старые стены», после которой она вновь и уже окончательно стала одной из популярнейших актрис Советского Союза.

В 1979 году она снялась еще в одной из своих знаменитых ленфильмовских картин «Пять вечеров». И на премьере режиссер этого фильма, Никита Михалков, бывший большим любителем сюрпризов, вдруг заявил: «Мне бы хотелось уйти от традиции самому представлять свой фильм. Я хочу передать слово, вернее, попросить представить группу и фильм

актрису, для которой Ленинград, студия „Ленфильм“... да она сама скажет...» Людмила Гурченко поднялась на сцену, оглядела зал и сказала: «Здравствуй, мой любимый, родной Ленинград! Колыбель революции и моя!»

Но в 1956 году все это было еще впереди. После «Дороги правды» она снялась еще в одной маленькой роли в фильме «Сердце бьется вновь» Абрама Рома и собиралась уехать на каникулы к родителям в Харьков. Незадолго до этого она пробовалась на роль в музыкальном фильме молодого режиссера Эльдара Рязанова, но пробы вышли неудачными, взяли другую актрису. Она немного порасстраивалась, все же музыкальный фильм, роль как у Орловой или Марики Рекк, можно петь и танцевать... Но жизнь ведь на этом не заканчивалась, поэтому Людмила выбросила неудачные пробы из головы и почти забыла о них. Однако уехать в Харьков она не успела – в коридоре «Мосфильма» ей случайно повстречался Пырьев, курировавший съемки той самой музыкальной картины, куда ее не взяли.

После короткого разговора Пырьев решительно сказал: «А ну, пойдём». И повел ее на новые пробы. До оглушительной славы, о которой Людмила Гурченко мечтала с детства, оставалось всего несколько месяцев.

Глава 6

От фильма «Карнавальная ночь» никто ничего особенного не ждал. Пожалуй, единственным человеком, который относился к нему серьезно, был Иван Александрович Пырьев, бывший тогда художественным руководителем студии «Мосфильм». Он сам прославился музыкальными комедиями, поэтому не смотрел на «легкий жанр» свысока, как большинство тогдашних киноэтров, да и молодых режиссеров тоже. Но конечно, и он не ожидал, что у этой простенькой в общем-то комедии будет такой невероятный успех.

Сценаристы Борис Ласкин и Владимир Поляков были опытными профессионалами своего дела, но поскольку «Карнавальная ночь» должна была стать чем-то вроде американского мюзикла, где главное – песни и танцы, а сюжет – лишь схематичная связка между музыкальными номерами, они особо и не старались. Характеры были не прописаны, все персонажи были довольно условными – бюрократ, хорошенькая активистка, стеснительный влюбленный и т. д. Такие герои кочевали из фильма в фильм и были в советском кино уже чем-то вроде масок в комедии дель арте. Какая разница, что за актриса играет хорошенькую активистку – зрителям давно известно, как ведут себя такие героини. Все знают, что энтузиасты победят бюрократов, а стеснительный влюбленный добьется внимания хорошенькой активистки. В подобных схематичных комедиях оригинальных ходов и актерской индивидуальности не

предполагалось, их задача была развлекать и только.

Режиссировать картину доверили Эльдару Рязанову, за плечами которого к тому времени было несколько документальных фильмов и полудокументальное музыкальное обозрение «Весенние голоса». Проект был изначально провальный, то есть как раз такой, какой можно без опаски поручить молодому режиссеру, чтобы потренировался. Но Рязанов уже тогда предпочитал играть по своим правилам. У схематичности сценария было и свое достоинство – редкостная свобода творчества для режиссера и актеров. Ведь если характеры не прописаны, их можно трактовать как угодно, и если сюжет схематичный, его можно дополнять любыми деталями.

В своей книге «Грустное лицо комедии» Рязанов рассказывал, как решил рискнуть и предложить роль Огурцова самому Игорю Ильинскому. Тот поначалу отказался, он уже играл бюрократа в «Волге-Волге» и не видел смысла повторять. Но Рязанов убедил его, что здесь совсем другой случай, здесь ему дается редкостная возможность не просто сыграть то, что написал сценарист, а самому создать образ, сделать его именно таким, каким хочется. И в конце концов Ильинский согласился. Это стало первой победой Рязанова, потому что теперь за сатирическую составляющую картины он мог быть спокоен. Оставалось подобрать антагонистов Огурцова, на которых держалась лирическая и музыкальная часть фильма. И прежде всего – активистку Леночку

Крылову.

Надо сказать, к выбору Леночки Рязанов подошел куда менее серьезно. Найти новую Орлову или Ладынину он не рассчитывал и вообще полагал, видимо, что от этой героини многого не требуется. Ее дело всего лишь улыбаться зрителям и противостоять Огурцову. А спеть и станцевать за нее смогут дублеры, как это и бывало в большинстве фильмов того времени. Так что при отборе смотрели только на внешность. Людмила Гурченко всегда с горечью говорила о такой тенденции на киностудиях.

Она была единственной актрисой, кто на пробах пел сам, а не под фонограмму. Но не прошла. Неопытный оператор плохо ее снял – как вспоминал Рязанов: «ее невозможно было узнать: на экране пел и плясал просто-напросто уродец». А умение танцевать и петь в тот момент мало кого интересовало.

Но довольно скоро Рязанов переменял свое мнение. Выбранная актриса играла неплохо, но он вдруг сам почувствовал фальшь. В музыкальном фильме, где главное не сюжет, а песни и танцы, актриса должна петь сама или хотя бы быть достаточно музыкальной, чтобы хорошо танцевать и правдиво открывать рот под чужое пение. Иначе это обман зрителей. Актрису сняли с роли. Съёмки встали.

Как раз в это время и произошла судьбоносная встреча Пырьева с Гурченко в коридоре «Мосфильма». Провели повторные пробы, новый оператор блестяще снял ее, поймав все нужные

ракурсы, так что она засверкала, заиграла всеми гранями своего обаяния, и к радости всей съемочной группы работа над фильмом возобновилась. А уж как счастлива была сама Людмила Гурченко! Это же мечта всей ее жизни – музыкальная комедия, с песнями и танцами. Джаз, эстрада, удивительно смелые для того времени ритмы. И она в главной роли!

А с какими актерами ей довелось играть. И в первую очередь с Игорем Ильинским, который был уже таким неоспоримо великим и легендарным, что она даже пройтись с ним рядом почитала за великую честь. А уж когда он подвез ее на своей машине к общежитию, вообще чувствовала себя звездой и королевой. На съемках ее потрясало его умение перевоплощаться в Огурцова так, что даже взгляд становился тупым и мутноватым. А еще ей очень хотелось подкинуть ему одну идею – однажды ее отец изображал какого-то интеллигента, который вместо простого «да» говорил задумчивое «мм-ды». Наконец она не выдержала и пересказала ему эту историю, старательно изобразив в лицах. Ильинский очень смеялся, а в следующем дубле из уст Огурцова зазвучало задумчивое «мм-ды».

Фильм снялся в рекордные сроки – за пять месяцев. И это несмотря на то, что процесс контролировал сам Пырьев, который лично утверждал каждую песню и безжалостно требовал переснимать все эпизоды, которые на его взгляд вышли слишком слабо. Снимали, кстати, не в павильонах, как это бывало

обычно, а в интерьерах – роль клуба «сыграл» пустовавший во время летних гастролей Театр Советской армии.

Это был успех. Нет, даже не успех, а триумф! Феерия. Через несколько дней о фильме говорили и писали абсолютно все. А ведь он вышел безо всякой рекламы, никто его не ждал, газеты о нем не писали, ни Рязанова, ни Гурченко никто не знал. Разве что имя Ильинского на афишах могло привлечь первых зрителей. Ну а потом, после первого раза, они шли второй, третий, рассказывали всем своим друзьям и знакомым – в считанные дни «сарафанное радио» оповестило всю страну, и в кинотеатры выстроились очереди.

Ну а потом активизировалась и пресса. «Советская культура» восторженно писала: «Когда Гурченко – Крылова появляется на новогодней эстраде перед огромным циферблатом часов, на котором без пяти минут двенадцать, и начинает петь, мы сразу же как бы настораживаемся и мысленно говорим себе: это актриса! Новая, интересная, своеобразная. В лице ее, в манере держаться, жестикулировать столько непередаваемого обаяния, в ее голосе столько теплоты и эстрадного, в лучшем смысле слова, огонька!»

Людмиле Гурченко прочили звездную карьеру... да что там, ее уже объявили звездой, чуть ли не первой актрисой всего Союза, словно намеренно забывая, что она сыграла пока лишь одну главную роль. Пресса вознесла ее к небесам – та же пресса, что всего через

несколько месяцев смешает ее имя с грязью и будет долго и с удовольствием топтать недавнего кумира.

Но это потом, а пока слава на Людмилу Гурченко обрушилась действительно невообразимая. Всюду висели ее фотографии, со всех концов страны ей присылали письма, девушки шили платья под нее, стриглись как она, затягивали талии, пытались добиться такой же фигуры. Она сама вспоминала, что иногда шла по улице и с ужасом видела, что навстречу идет ее точная копия. Но особенный ажиотаж, конечно, был в ее родном Харькове. Половина города вдруг неожиданно стала ее родней, вся молодежь вдруг «вспомнила», что сидела с ней за одной партой, а в их маленькую полуподвальную квартирку теперь приходили как на экскурсию, чем немало радовали Марка Гавриловича, очень гордившегося славой дочери.

Вскоре фильм был закуплен в зарубежный прокат, и письма полетели уже из стран Восточной Европы, потом из африканских стран, Японии, Индии, Австралии... Людмила Гурченко искренне веселилась, разглядывая рекламки «Карнавальная ночь», которые многие вкладывали в конверты. В каких только немыслимых нарядах ее не изображали! И в национальных костюмах тех стран, где демонстрировался фильм, и в бальных нарядах с голой спиной и огромным декольте, и в юбках с не менее огромным разрезом, чтобы всем было ясно – это не просто девушка, а советский секс-символ.

А «Карнавальная ночь» все набирала обороты. Она уже побила все рекорды сборов, а люди все шли и шли в кинотеатры. Людмила Гурченко была нарасхват, она не успевала учиться, потому что ее то и дело приглашали где-нибудь выступить, а она еще не умела отказывать людям. Поклонники обрывали ей телефон, караулили у дверей концертных залов. Однажды дошло до того, что толпа фанатов набросилась на нее, да так, что она едва унесла ноги, а от ее платья остались одни клочки. Письма шли к ней мешками. Поклонники объяснялись в любви, просили совета и... денег.

Да, по какой-то непонятной причине советские люди были уверены, что слава означает деньги, а значит, Людмила Гурченко уж точно миллионерша. Почему бы ей не помочь с барского плеча. Возможно, именно это всеобщее мнение и повлияло на то, что недавние поклонники быстро отвернулись от нее, когда пресса повела кампанию против ее «нетрудовых доходов». Миллионерша, а все ей мало!

А на самом деле ей буквально не на что было жить. Из общежития пришлось уйти, потому что ее слава, эти вечно дежурящие у дверей поклонники, постоянные письма и звонки – все очень раздражало других студентов. Денег, которые присылали родители, хватало только на плату за съемную комнату. Стипендии ее лишили – по правилам, студентам, снимающимся в кино, стипендию не платили. Зато эстрадной концертной ставки у нее не

было, потому что она была студенткой. Вот такой замкнутый круг. Стипендии нет, а за концерты по принятым ставкам платят несколько рублей, да и те через два месяца после выступления. И живи как хочешь. Вот тогда-то и началось то, что в итоге чуть не загубило Людмиле Гурченко карьеру, а то и всю жизнь.

Глава 7

Время от времени Людмилу Гурченко приглашали участвовать в концертах, за которые потом платили черным налом – деньгами в синеньких конвертиках. Причем не копейки, положенные по ставке, а вполне приличные гонорары, не хуже, чем профессиональным артистам. Сейчас это вряд ли заинтересовало бы кого-нибудь, кроме налоговой. Все же понимают, что актер выступает, чтобы заработать денег, и если он знаменит, если зрители мгновенно раскупают на него очень недешевые билеты, значит, и гонорар у него должен быть большой. Но в советские времена было совсем по-другому. Даже Муслима Магомаева, на что уж он был любимцем всего Союза, включая многих лидеров партии, на года выгнали с эстрады, когда один раз поймали на левом заработке. А уж только-только успевшую взлететь звездочку Людмилу Гурченко, с ее мимолетной славой, и вовсе едва не уничтожили.

Началось все с того, что ее вызвали в редакцию

«Комсомольской правды» и довольно мягко постыдили за «нетрудовые доходы». Она краснела, бледнела, клялась, что больше никогда так не будет. Конечно, она подозревала, что с этими конвертами что-то не так, но закрывала глаза на собственные подозрения. Ей было чуть больше двадцати лет, никакого опыта, бросили как котенка в водоворот актерской жизни, и разбирайся во всем сама. Она и разобралась, но было уже поздно.

Вскоре позвонили родители: «Дочурочка, моя дорогенькая, какой позор, на увесь Харькув! Тебя ув газете прописали. Мы с Лелюю не выживем...» В «Комсомольской правде» вышел фельетон Б. Панкина и И. Шатуновского под названием «Чечетка налево», в котором жестко и ехидно прошлись по артистам, подрабатывающим «халтуркой». Авторы фельетона писали: «Людмила снова и снова рассказывает эпизоды из своей биографии, а так как говорить-то ей, собственно, пока не о чем и сделано ею еще очень мало, она дополняет этот рассказ исполнением все тех же песенок из кинофильма «Карнавальная ночь».

Смысл ее выступлений, по существу, сводится лишь к следующему: «Вот она я... Ну да, та самая, которая в «Карнавальная ночи»... Помните?»

...В погоне за наживой, выступая в сомнительном окружении, он (артист) только позорит свое имя. И особенно обидно за того молодого, способного артиста, чья слава исчисляется пока лишь какими-нибудь пятью минутами и которую так легко

растерять, разменять на пустяки. Ему кажется, что, получив лишние пятьдесят рублей, он стал богаче. На самом же деле он только обокрал и себя, и свой талант. А этого ни за какие деньги не вернешь».

Если бы эта статья была единственной, это было бы обидно, неприятно, но не смертельно. Там упоминалась не одна только Гурченко, авторы направили свои стрелы против еще нескольких известных артистов. Но почти одновременно с фельетоном в «Комсомольской правде» в журнале «Советский экран» появилась карикатура, где Людмила Гурченко была изображена с многочисленными щупальцами, которыми она сгребает деньги. Это уже было похоже на целенаправленную травлю...

Но кому могла настолько не угодить начинающая актриса? В таких случаях могло быть две причины. Либо личная – когда актриса отвергала сексуальные притязания какого-нибудь мстительного высокопоставленного чиновника, как например, было с Екатериной Савиновой. Но нет, ни о чем таком Людмила Гурченко никогда не рассказывала.

Еще могла быть политическая причина. Как бы ни были далеки люди искусства от политики, в Советском Союзе от нее полностью абстрагироваться было нельзя. Немало актеров поплатились карьерой за свое дворянское происхождение, дружбу с опасными иностранцами, поддержку диссидентов и т. д. Вот и Людмиле Гурченко не удалось спрятаться от

политики. В 1957 году ей предложили сотрудничать с КГБ – тогда в Москве должен был проходить VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и многих артистов вербовали для работы с иностранцами. Она отказалась и потом всю жизнь скрывала, что ей вообще такое предлагали. Рассказала только незадолго до смерти.

После появления этих газетных статей и карикатур жизнь Людмилы Гурченко сразу резко переменилась. Во-первых, ее перестали приглашать на пробы, больше не было концертов, и вообще о ней словно бы сразу забыли, как будто и нет такой актрисы. Но это на киностудиях и в театрах. На улице ситуация была хуже – там о ней помнили, ее по-прежнему узнавали, но недавнее поклонение теперь превратилось почти в ненависть. Те же толпы, которые недавно рвали на лоскутья ее платья, теперь готовы были закидывать ее камнями. И не только в переносном смысле – были случаи, когда в Людмилу Гурченко летели и совершенно реальные камни. Публика со злорадным удовольствием втаптывала в грязь недавнего кумира, вновь низводя его из полубогов до собственного уровня и упиваясь этим.

На концертах ее теперь освистывали. Письма опять приходили пачками, но уже не восторженные, а злобные. Желających еще раз пнуть, еще раз уколоть поверженную звезду было немало. И даже из родного Харькова, где недавно все набивались ей в родственники, теперь злорадно писали: «Нам стыдно

за вас. Вы опозорили наш город. Ваши фильмы смотреть не пойдем».

Единственное утешение – родители ее поддерживали, как могли, и нисколько не осуждали. Они сами были людьми творческими и прекрасно знали, что именно на такие вот доходы в конвертах большинство артистов и живет, потому что положенные им по закону гонорары ничтожно малы, и жить на них нельзя. «Як же так? – расстраивался Марк Гаврилович. – Мы ж з Лелюю после войны у праздники проводили массовку. И нам, бывало, деньжаты сразу дают. А того „безлюднага“ фонда мы з Лелюю годами ждали. Што ж теперь, за ето казнить во так во...»

Людмила Гурченко выстояла, не сломалась окончательно и потом даже смогла снова подняться и стать той великой и безумно популярной актрисой, которую мы все знаем. Но от ее былой открытости и доброты не осталось и следа. Она не на КГБ была обижена и не на журналистов. Она разочаровалась в людях. И прошло много времени, прежде чем она сумела понять и простить своих зрителей, которые тоже были всего лишь людьми своего времени, безоглядно верившими всему, что им преподносили на страницах газет...

Спасти Людмилу Гурченко в тот момент мог только новый успех. Если бы на экраны вышел фильм с ее участием, не уступающий «Карнавальной ночи», ветренная публика тут же забыла бы о «халтурках» и

вновь вознесла бы ее на пьедестал. И такой фильм вроде бы должен был выйти! В 1957 году Людмилу начали снимать в картине «Девушка с гитарой», старательно делая ее по тем же лекалам, что и «Карнавальную ночь», но только еще ярче, еще современнее! Вновь на экране пела и танцевала хорошенькая девушка, вновь звучала современная музыка, но на этот раз еще и кружились фигуристки, мелькали яркие наряды и смуглые лица участников VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов – действие фильма происходило в Москве, в 1957 году, и вся страна должна была еще раз вместе с ним пережить праздник, подаренный фестивалем. В «Девушке с гитарой» снималось целое созвездие прекрасных и знаменитых актеров, которые должны были придать фильму дополнительный блеск.

В отличие от «Карнавальной ночи», которую никто не ждал и никто не рекламировал, о «Девушке с гитарой» говорили и писали постоянно. Газеты рассказывали, как продвигаются съемки, цитировали смешные фразы из сценария, печатали фотографии со съемок. Фильм ждали все, и едва он вышел, зрители хлынули в кинотеатры, несмотря на скандал вокруг Людмилы Гурченко и обещания никогда больше не смотреть ее фильмы.

Это был оглушительный провал.

Возможно, не будь вокруг «Девушки с гитарой» столько шума, зрители приняли бы его лучше. Фильм-то в целом неплохой. Но все ждали шедевра, ждали

новую «Карнавальную ночь», а вышла обычная средняя комедия. С неплохим юмором, с хорошей музыкой, но отнюдь не гениальная. Все было вторично и все, к сожалению, слабее, чем в «Карнавальная ночь». Та же героиня, но без перчинки, тот же директор, но без сатиры, те же танцы и песни, но как-то не к месту. Да еще и срочно вставленный по требованию руководства фестиваль оказался совершенно лишним, еще более расшатывая и без того не самый лучший сценарий. И критики были со зрителями солидарны. Заголовки статей говорят сами за себя: «Еще одна девушка», «К легкому жанру по... легкому пути», «В плену дурного вкуса».

Казалось бы, на этом карьера Людмилы Гурченко в кино должна была завершиться. Порой такого провала хватало, чтобы раз и навсегда покончить с актером. И действительно, где-то на год она полностью выпала из творческой жизни. На целый год? Нет, в данной ситуации это было всего лишь на год. Тем более что за этот год в ее жизни произошло достаточно событий, чтобы даже и не заметить творческого простоя. И началось все с того, что она безумно влюбилась.

Вообще-то она влюблялась часто. Как сама со смехом говорила – стоило появиться на горизонте какому-нибудь «чернявому орлу», похожему на героев сказок, которые рассказывал ей в детстве отец, так у нее сразу сердце замирало. Но на этот раз все было куда серьезнее – не мимолетная влюбленность, а сильное пылкое чувство. Да и избранник ее, сценарист

Борис Андроникашвили, был человеком незаурядным – сын знаменитого писателя Бориса Пильняка, расстрелянного в 1938 году, и его красавицы-жены, актрисы Киры Андроникашвили, происходившей из княжеского грузинского рода. Он был блестяще образован, начитан, воспитан, обладал чувством юмора, был музыкален, обаятелен и талантлив. И конечно же, был «высоким да чернявым»!

И первое время казалось, что вот оно – счастье. Любовь, брак, ребенок. Карьера рушилась, но разве это главное? Зато рядом человек, который умнее, чем она, сильнее, который поддерживает и понимает. Да и мама у него такая необыкновенная – от Киры Андроникашвили Людмила Гурченко была в тихом, но от этого не менее сильном восторге и даже спустя много лет вспоминала о ней, как о женщине «красоты, ума, таланта и женственности непревзойденной». Кто знает, не умри Кира Георгиевна через год после рождения внучки, возможно, брак Людмилы Гурченко и Бориса Андроникашвили и не закончился бы так быстро и так печально.

Первые звоночки начали появляться довольно быстро, но Людмила Гурченко их поначалу не замечала. Но рожала ребенка все же не в Москве, где жил ее муж, а в Харькове, у родителей. Там был ее настоящий дом, там были люди, которые ее по-настоящему любили. Ждала она мальчика, даже собиралась назвать его Марком в честь своего отца, и была несколько разочарована, когда 5 июня 1959 года

на свет появилась девочка. Да и ситуация в роддоме не способствовала спокойствию и радости – роженицы в палате ее, конечно, узнали и тут же разделились на тех, кто ее любит, и тех, кто ее ненавидит. Пришлось уходить в другую палату.

Но несмотря ни на что, рождение ребенка пусть ненадолго, но принесло ей счастье. До того она, как многие девушки, относилась к детям, к материнству, с опаской и даже некоторым раздражением. А теперь, взяв на руки собственную дочь Машу, вдруг поняла, что не зря о женщине-матери говорят всегда такими высокими словами. Рождение ребенка помогло ей понять, что все ее проблемы – лишь тлен и суета, они не стоят пролитых слез. Впервые за долгое время она была спокойна и счастлива. Но...

Не могла она долго быть спокойной. Людмила Гурченко всю жизнь была одной из тех людей, для которых покой бывает только один – кладбищенский. А жизнь – это постоянное движение! И словно в ответ на ее собственное внутреннее ощущение прилетела весть из Ленинграда: ее пригласили на пробы в картину «Балтийское небо». Наконец-то! О ней вспомнили! К тому же роль предложили не как в «Девушке с гитарой», о которой она хотела забыть как можно быстрее, а серьезную, драматическую, в фильме о войне. И они втроем – Людмила, пятимесячная Маша и Елена Александровна – полетели в город на Неве.

Режиссер «Балтийского неба», Владимир Венгеров

вспоминал: «Шли пробы на роль девочки в «Балтийском небе». Гурченко пришла в павильон в валенках, в шапке с длинными ушами, черты лица заострились, в глазах тревога... Ничего общего с той беззаботной Гурченко, какую мы знали по экрану. Всех убедила, что именно она должна играть эту блокадную девочку. Хотя ее педагоги, Макарова и Герасимов, помню, были очень удивлены, что Люсю Гурченко взяли на драматическую роль. Ее амплуа тогда были песни. Тут она не знала себе равных. Помнила их множество, и между съемками все, кто был в павильоне, собирались ее слушать. Но она была актрисой. Уже тогда – опытной, активной, цепкой. Понравились мы друг другу, сразу нашли общий язык. Работали на полном доверии, мне всегда по душе было ее очень серьезное отношение к делу».

Но сама Людмила Гурченко очень нервничала, идя на пробы. В первой серии ее героине всего лет пятнадцать, а она-то уже взрослая, да еще и с ребенком. Но Венгеров прекрасно знал, что у нее пятимесячная дочь, и его это нисколько не беспокоило. А вот сама она, после того, как ее утвердили, встала перед сложным вопросом – что же делать с Машей. Не приносить же ее с собой на съемочную площадку. В итоге решили, что пока Людмила не вернется в Москву, Елена Александровна отвезет внучку обратно в Харьков.

И вновь начались съемки. Несмотря ни на что, Людмила Гурченко чувствовала себя на площадке как

рыба в воде. Ее любовь к кино не только не угасла после всех неприятностей и обид, а словно, наоборот, вспыхнула с еще большей силой. Тем более что на сей раз ей досталась роль, в которой она могла использовать собственный опыт – то, что сохранилось в ее памяти после страшных военных лет. Ее Соня – живая, настоящая и очень трагичная. Девочка, повзрослевшая в войну...

Где-то во время съемок «Балтийского неба» в коридорах Ленфильма ее буквально на ходу перехватили и пригласили на пробы в музыкальный телефильм «Пойманный монах» по Филдингу. Этот фильм прошел довольно незаметно, но зато на его площадке Людмила Гурченко познакомилась с гримером Маргаритой Матусовой, на многие годы ставшей одной из ее лучших подруг.

В музыкальный телевизионный фильм о любви русского моряка и итальянской певицы Гурченко вписывалась идеально. Она и внешне выглядела как настоящая северная итальянка, и играла с неподдельным темпераментом. Но к сожалению, кроме нее, ничего хорошего в этой картине не было. Слабый сценарий и высокопарные диалоги полностью загубили фильм, и для Людмилы Гурченко он стал лишь новым провалом.

Но она не унывала, тем более что ее уже пригласили в новую картину, снимавшуюся тоже на студии имени Довженко – в экранизацию романа Панаса Мирного «Гулящая». Но и на сей раз ей не повезло. Роман сам

по себе достаточно мелодраматичный – история несчастной крестьянки Христи, которой красота принесла одни только беды, заставляла рыдать не одно поколение читателей. Возможно, она хорошо бы смотрелась в виде многосерийного фильма, но запихнуть все несчастья Христи в восемьдесят минут экранного времени оказалось не лучшей идеей. Получилось что-то вроде краткого пересказа романа, в котором недостаток подробностей пытались компенсировать излишней эмоциональностью. В драматических сценах невообразимо зашкаливал пафос, в сатирических – гротеск. Это снова был провал...

И словно мало было неудач в работе, личная жизнь тоже разваливалась на куски. Его измены, ее слезы, взаимное непонимание... После долгих мучений и переживаний она наконец осознала, что ее брак с Борисом Андроникашвили окончательно распался. Теперь надо было как-то пережить это и пытаться идти дальше. Но вот одно ее потом мучило долгие годы – она понимала, что они с мужем были совершенно разными, понимала, что его любовь прошла, и, наверное, не было смысла пытаться склеить остатки былых чувств... но вот как он мог вычеркнуть из жизни собственного ребенка, она так никогда и не поняла.

Стрессы, слезы и обиды не прошли даром. Осенью 1961 года вдобавок ко всему прочему Людмила Гурченко заболела. У нее пропал голос. То есть исчез вообще. И не на день-два, как бывает при ангине, а на целый год. Вообще-то первые звоночки поступали еще на съемках «Гулящей» – тогда голос начал несколько садиться, но она не обратила особого внимания, не до того было. Старалась не замечать и боль в суставах, и участившееся сердцебиение. А потом, когда она вернулась в Москву, ее иммунитет все же не выдержал.

Вроде бы что такое пропажа голоса? Неприятно, но не смертельно. Но не для актрисы, ведь для нее голос – это рабочий инструмент. Актер без голоса – инвалид, он уже не сможет играть.

Как всегда, когда на нее сваливались очередные неприятности, Людмила Гурченко помчалась к родителям в Харьков. Оказалось, у нее серьезные эндокринные нарушения, отсюда и боли в суставах, и пропажа голоса. Ее положили в больницу, где она много-много дней провела лежа и молча. Смотрела в потолок и думала, думала... О себе, о жизни, о бросившем ее муже, о том, что никогда не чувствовала себя в его квартире как дома. Любовь была, а семьи не было. Семья у нее только одна – родители, а теперь еще и Маша. А бывший муж как был чужим, таким и остался, он в ее жизни никто, всего лишь отец Маши. С тех пор она больше никогда не упоминала его имени. Если надо было сказать о нем, так и говорила:

«отец Маши».

Глава 8

Шли дни и месяцы, молодой сильный организм брал верх над болезнью, та постепенно отступала, и вот скоро Людмила Гурченко уже снова могла ходить, говорить, играть на гитаре и даже петь. Правда, пела она сиплым голосом, а двигалась, преодолевая боль, но для нее, с ее жаждой жить и работать, этого было достаточно, чтобы она вскочила с больничной койки и сбежала в Москву. Она уже осознала когда-то, что бездействие для нее – все равно что смерть, и после долгого вынужденного покоя теперь страстно хотела чувствовать себя живой. А значит, надо было работать, ведь для нее не было жизни вне актерской профессии.

Но в Москву она вернулась в пустоту. Брак распался, на киностудиях о ней уже забыли, и даже в Театре киноактера, где простаивающие между съемками артисты получали какую-никакую зарплату, ее уже сняли с довольствия, потому что ее последний фильм был слишком давно. Правда, новый директор вошел в ее бедственное положение и вновь назначил ей зарплату, как только она мелькнула в крошечном эпизоде какого-то японского фильма, который даже не значится в ее фильмографии. По ее собственным словам, у нее там была лишь одна фраза: «Да-да,

Тасико-сан, я его позову».

В ожидании ролей в кино она стала работать в Театре киноактера вместе с остальными временными неудачниками их профессии. В то время у театра не было сцены, спектакли не ставились, так что работа там была бы фикцией... если бы не сами актеры. Да, спектакли не ставились, но они все равно их репетировали. Во-первых, чтобы не потерять квалификацию, а во-вторых – ну они же не зря выбрали эту сложную профессию, где лишь один из сотни добивается хоть какого-то успеха, а остальные так всю жизнь и прозябают в эпизодах. Артисты не могут не играть. Их творчество – это их жизнь.

И конечно, они мечтали – а вдруг им все же дадут свой театр или хотя бы временную сцену, и они смогут играть перед зрителями. Это были лишь мечты, но они помогали не пасть духом в этом бесконечном и угнетающем ожидании. Людмила Гурченко в Театре киноактера ждала и мечтала вместе со всеми, ну а пока репетировала роль Джульетты. Кажется, именно тогда она впервые по-настоящему открыла для себя, поняла и прочувствовала Шекспира. Жаль, что ей так и не довелось сыграть в его пьесах ни в кино, ни в театре.

Театр им, конечно, никто так и не дал, но возможность выходить на сцену все же появилась. Пришло понимание, что зрителей интересуют не только сами фильмы, но и актеры там играющие, и режиссеры, и операторы, и художники, и вообще сама кинематографическая «кухня». Творческие встречи с

представителями мира кино собирали немало зрителей, и постепенно в них стали участвовать очень многие артисты. Людмила Гурченко для такой «кинематографической бригады» подходила идеально – с одной стороны, зрители ее еще помнят по «Карнавальная ночь» (а про скандал с конвертами уже успели подзабыть), а с другой – она нигде не занята, не снимается, а значит, может ездить по стране сколько угодно. Она поехала и не пожалела об этом.

На этих концертах она по-новому взглянула на многих артистов, да и на творческих людей в целом. Например, сделала важный вывод, что талантливый человек никогда не повторяется и даже одну и ту же историю каждый раз рассказывает хоть немного, но по-другому. И тут же с горечью отметила, что зрители-то как раз этого обычно и не видят. Значит, артист, живя и фантазируя на сцене, вместо того чтобы без особых душевных затрат произносить раз и навсегда затверженный монолог, старается не только для них, но и для себя. Он не дает себе поблажек, не дает застаиваться своему таланту.

Так, в общем-то и прошел для нее 1962 год. Репетиции в Театре киноактера, концерты «кинематографических бригад» и бесконечное ожидание, когда же о ней наконец вспомнят на киностудиях. За весь год было лишь одно приглашение на пробы, но взяли другую артистку.

Но тем не менее она почувствовала некоторую стабильность в своей жизни, к тому же после развода

ей досталась тринадцатиметровая комната в коммунальной квартире. И она решила забрать к тому времени уже трехлетнюю дочь из Харькова к себе. Родители отрывали от себя внучку с кровью и слезами, но тоже понимали, что ребенок должен расти при матери. Абсолютно против этого плана была только сама Маша.

Но ни мороженое, ни другие детские радости не могли полностью приручить упрямую Машу. Ходить за ручку она желала только с бабушкой, спать тоже с ней, и вообще от нее не отставала ни на минуту. Пришлось Елене Александровне уезжать тайком, ночью, пока внучка спала.

Но надежды на то, что ребенок просто смирится с неизбежным, не оправдались. Когда она утром обнаружила, что любимая бабушка уехала, она не стала слушать уговоров матери, не стала плакать или кричать, а начала лихорадочно собираться. Сложила в наволочку свои вещи и игрушки, надела теплую пижаму и отправилась, не глядя на идущую следом мать, по проспекту на вокзал. «Чья это девочка, товарищи? Девочка, чья ты? Где ты живешь? Кто твои папа и мама?» – спрашивали изумленные прохожие при виде девочки в пижаме с наволочкой, полной одежды и игрушек. «Я еду до Лели и до дедушки Марка у Харькув!» Пришлось ее наконец ловить и уносить обратно домой.

«Война» в одночасье закончилась, и с тех пор Маша вела достаточно типичную для актерских детей жизнь.

То с мамой, то без нее, летом ездила с ней по гастролям, зимой привыкала к чужим тетям, сидевшим с ней, а потом и вовсе к ранней самостоятельности.

Ну а Людмила Гурченко вертелась как могла. Если раньше еще можно было временами опустить руки, то теперь она всегда помнила, что дома у нее дочь, которую надо кормить, а значит, надо работать и еще раз работать. Но все же в эти годы творческого простоя у нее было мало денег, но зато много времени. И так получилось, что тогда она познакомилась с большим количеством интересных и странных людей, чем обычно за целое десятилетие. Водила она дружбу с художниками, хотя, как сама потом признавалась, не понимала ни их, ни того, что они рисовали. Но это не мешало ей ими по-своему восхищаться и любить живопись как что-то непонятное и загадочное. Бывала она и в компаниях, собиравшихся вокруг деток богатых и влиятельных родителей. Советские состоятельные бездельники не меньше, чем маркизы какого-нибудь Галантного века, любили окружать себя людьми искусства, которые будут творить для них что-нибудь «за еду». Но среди них Людмила Гурченко, конечно, не прижилась.

И вот наконец, ура, летом 1963 года раздался долгожданный звонок с Рижской киностудии. Срочно требовалась актриса в фильм «Укротители велосипедов». Естественно, у них уже была утверждена какая-то другая актриса, работа уже шла, но она почему-то не смогла сниматься дальше, и

Людмилой Гурченко просто срочно «заткнули дыру». Она сама это прекрасно понимала, но в тот момент ей было все равно. Два года она фактически не снималась! Да она плясать была готова от счастья! Тем более там ей предстояло играть с Олегом Борисовым, которым она восхищалась еще со времен «Балтийского неба».

Но несмотря на отличный актерский состав, фильм был слабый, проходной и никакого нового ускорения ее карьере не придал. Впрочем, она от него ничего такого и не ждала. Это был просто эпизод в ее жизни, не слишком значительный, но при этом все же важный – значит, на киностудиях о ней помнят. Не хотят пока ее снимать? Не страшно – ее время еще придет, теперь она это точно знала. Ну а пока вновь тянулись дни и недели простоя, она вдруг решила попытать счастья в театре. И не в каком-нибудь, а в самом популярном на то время театре Москвы – «Современнике».

Вообще-то Людмила Гурченко всегда была актрисой именно кино. С детства кино ее влекло куда больше, чем театр, и причиной тому была искусственность театра, его условность, так сильно отличающаяся от мира на киноэкране. И вдруг, придя на спектакль в «Современник», она увидела тот театр, о котором мечтала в глубине души. Живой, реальный, отбросивший академичность и условность. Театр, частью которого она захотела стать.

И ее приняли. На показе она продемонстрировала отрывки из «Ромео и Джульетты» и спектаклей

Володина «Назначение» и «Старшая сестра». После показа труппа почти единогласно проголосовала за то, чтобы ее принять. И лишь один актер спросил: «А что она будет у нас играть?» И это был роковой вопрос. Все же театр – не кино. У него есть репертуар, причем характерный именно для этого конкретного театра. И есть актеры, у каждого из которых свое амплуа и свое место в репертуаре. Вот и получилось, увы, что Людмила Гурченко была достаточно талантлива, чтобы ее безоговорочно приняли в «Современник», но при этом она совершенно не вписывалась в их репертуар, у них просто не было для нее подходящих ролей.

Актриса Людмила Иванова, много лет служившая в «Современнике» и дружившая с Людмилой Гурченко, рассказывала: «Люсе теперь, наверное, смешно вспоминать: мы с ней играли почти массовку, у меня роли чуть побольше, у нее чуть поменьше. Был у нас такой прекрасный спектакль – «Без креста», по Тендрякову, помните? Мы играли там колхозниц-доярок. У меня хоть кусочек текста с Евстигнеевым был. У нее – ни слова... А вот в «Дне свадьбы» у нее была роль побольше. Майка. Характерная роль, и она могла включить в нее свои наблюдения – социальные зарисовки, какие она очень хорошо умеет делать. Люся, понимаете... личность. Поэтому ее и пригласили в наш театр – в нем всегда ценился актер-личность. Ефремов собирал таких людей, единомышленников».

Но одну большую роль ей пусть не сразу, но все же дали – роль Роксаны в пьесе Ростана «Сирано де Бержерак». Ходили слухи, что на этом настоял Игорь Кваша, ставивший этот спектакль, ну а еще ходили слухи, что у них с Людмилой Гурченко был роман и что Кваша собирался развестись с женой и жениться на ней. Сама она не отрицала, что у них были романтические отношения, но и не углублялась в подробности. Как бы то ни было, этот роман ни к чему не привел – Игорь Кваша остался с женой, а Людмила Гурченко вскоре вышла замуж за Александра Фадеева (приемного сына знаменитого советского писателя с тем же именем). Что же касается роли Роксаны, то она у нее не слишком удалась, что, впрочем, сама Гурченко полностью признавала. Журнал «Театр» писал: «Про ту Роксану, которую сыграла Гурченко, можно сказать, что она своенравна, энергична, расчетлива... Но про нее никак не скажешь, что она поэтична. Не скажешь, что она гордая и нежная, причудница, любящая, но готовая оттолкнуть любимого, если он окажется обыкновенным человеком. И – полюбить другого за то, что он большой поэт...»

«Я могу играть только то, что хорошо знаю», – честно признавала Людмила Гурченко, когда несколько лет спустя говорила о своих ролях. А что она знала о прекрасных «жеманницах» XVII века? Не ее это была роль, и она это прекрасно понимала: «А уж если что-то мне не дано играть, так это именно такие

роли, типа Роксаны, героини той пьесы. Из всех швов атласного белого платья выпирал мой отнюдь не голубой характер и мое полупролетарское происхождение вместе с остатками харьковского акцента».

Ей был чужд высокий стиль Ростана, ей была чужда аристократическая Роксана, и куда больше она любила, например, острохарактерную второстепенную роль Гувернантки в «Голом короле». Что еще у нее оставалось? Массовка, эпизоды. Не пришлась она в «Современнике» ко двору. Никто ее не выживал, не называл бездарностью, но и приличных ролей больше не давали. И вскоре она ясно поняла – надо уходить, потому что дальше пойдет уже деградация ее как личности и как актрисы. И она подала заявление об уходе.

Глава 9

Но зато в это время – время простоя в кино и неудач в театре – Людмила Гурченко попробовала себя в новом качестве – как композитор. Ее первая песня называлась «Праздник Победы», и родилась она в мае 1965 года, когда вся страна праздновала двадцатилетие победы над фашизмом. В «Современнике» 9 мая играли спектакль «Вечно живые», и прямо на середине второго акта его прервали и объявили минуту молчания. И именно тогда, когда весь зал минуту

стоял в гробовой тишине, в душе Людмилы Гурченко и начала рождаться музыка. А после возвращения домой через кипящую, праздную Москву, после встречи с родителями, которые ради такого праздника приехали к ней из Харькова, она поняла, какой хочет текст. Впрочем, слова она сочинила не сама – рассказала своей подруге Людмиле Ивановой, какой она видит песню, и та переложила ее эмоции в стихи.

В песне было три куплета, и после каждого шел вокализ – музыкальный припев без слов, который в самом финале должен был взвиться и перекрыть музыку. «Как апофеоз, как гимн Победе! – писала об этой задумке Гурченко. – Что там говорить, я эту песню задумала с размахом. Ах, как она мне была по душе».

Людмила Иванова тоже вспоминала об их первом опыте совместного творчества с теплотой и некоторой ностальгией: «Прямо после спектакля здесь же, в фойе, мы стали сочинять песню. И назвали ее «Праздник Победы». Безыскусная песня, чисто «бардовская». Это ведь, знаете, принципиально иное, чем песня композиторская, профессиональная. Но люди полюбили эти «бардовские» песни, потому что в них была непосредственность чувства. Здесь другая степень искренности, вклада своего, личного. Щеголять мастерством эти песни и не собирались – им важно было выразить свое, понимаете? Сокровенное. И то, что всех объединяло...

В этой песне про праздник Победы было наше

ощущение войны. Люся очень много рассказывала о своем отце, песня была и про него...»

И поначалу казалось, что это отличный старт – быстро написалась песня, и быстро нашлась исполнительница. На отдыхе Людмила Гурченко разговорилась с певицей Маргаритой Суворовой, и оказалось, что та как раз нуждается в подходящей песне. Они быстро ее разучили, и уже осенью Суворова спела «Праздник Победы» на первом конкурсе советской эстрадной песни. Публика приняла ее на ура, пресса тоже вроде бы отозвалась одобрительно – что в песне, мол, интересно сочетается высокое патетическое начало с бытовым. «Неделя» писала: «В наши дни самодеятельные менестрели пишут песни глубочайшего своеобразия, они привносят в это искусство не слишком привычный для него интеллектуализм современной жизни, бесконечную искренность, касаются тем, совершенно не тронутых ранее... По-видимому, «Праздник Победы» – одна из самых крупных удач смотра. Здесь бытовая правда подкреплена самой высокой патетикой. Интерпретация Суворовой вполне соответствовала духу песни, не только талантливой, но и сложной для исполнения».

Потом Суворова поехала на гастроли, и везде «Праздник Победы» слушатели принимали очень хорошо. Дошло до того, что еще один певец попросил разрешения исполнять эту песню. Правда, пришлось немного переделать слова – из «эту песню я раненым

пела в палатах», в «эту песню я мальчиком пел по палатам», но и Гурченко, и Иванова на такие мелочи не обращали внимания, они были счастливы, что их песню поют и любят.

А потом счастье разом прекратилось. То ли Союзу композиторов не понравилось, что какие-то дилетантки вылезают со своими песнями, да еще и удачными, то ли дело было в личной неприязни кого-то очень влиятельного, но «Праздник Победы» вдруг начали так громить в прессе и по телевидению, словно это была худшая песня за всю историю Советского Союза. Оскар Фельцман в газете «Советская культура» 21 октября 1965 года писал: «Непрофессиональные сочинения очень снизили художественный уровень выступлений некоторых певцов. На заседании Художественного совета по эстраде Министерства культуры СССР критике подвергалась песня Л. Гурченко на слова Л. Ивановой «Праздник Победы», ибо она компрометирует большую, серьезную тему, которой посвящена. Надрывность музыкальных интонаций, полная профессиональная неподготовленность автора музыки делают сочинение дилетантским».

Как только несчастную песню ни называли – и спекуляцией на великой теме, и игрой на чувствах народа. Критики с телеэкранов надменно заявляли: «Девочка в палатах, какой-то отец надел ордена и медали, разве о таком в песне поют? Ну, товарищи, ну нельзя же так!» Песню даже запретили исполнять на

концертах в Москве, и с тех пор Суворова пела ее только на гастролях. И ее по-прежнему принимали очень тепло и душевно.

Тут можно вспомнить, что это был 1965 год, когда 9 мая и выходным днем-то только-только сделали. И Победа была еще достаточно недавней, ею было нужно гордиться, праздновать вместе со всей страной. До появления песни «День Победы» было еще десять лет, и праздник еще не было принято считать днем «со слезами на глазах». Да и в 1975 году Давид Тухманов и Лев Лещенко с большим трудом сумели прорваться через запреты, ставившиеся все тем же Союзом композиторов, чтобы все же исполнить великую песню «День Победы» перед всей страной. Что уж там говорить о Гурченко и Ивановой с их простенькой душевной песней двух девочек, переживших войну....

Но жизнь шла своим чередом, и Людмила Гурченко училась не оглядываться на неудачи, не тащить их с собой как тяжелый груз, а извлекать из них уроки и жить дальше. Несмотря ни на что, писать музыку она не бросила, и впоследствии на концертах не раз звучали ее песни, в том числе полушутливая «У меня есть дочь», про то, как молодая мама с удивлением смотрит на свою подрастающую дочку, и лирическая «Мария», написанная по мотивам знаменитого случая, когда кто-то в радиоэфире, в минуты, предназначенные только для SOS, передал: «Мария, я люблю тебя!»

Продолжала она и сниматься – не выбирая, шла,

куда приглашали. Правда, приглашали очень мало. Еще до разноса ее «Праздника Победы» она успела сыграть Устенку в «Женитьбе Бальзамина» – сухопарую перезрелую девицу-компаньонку при одной из невест Миши Бальзамина. Роль характерная и совсем маленькая, но зато в прекрасном фильме, достойном ее таланта. И видно, что играет она ее в полную силу, вкладывая в эту крошечную роль всю нерастраченную за долгие месяцы простоя актерскую энергию.

А в 1965 году о ней вспомнил Владимир Венгеров, который первым почувствовал в ней драматический талант и уже снимал ее в серьезной роли в «Балтийском небе». И пригласил ее в свой новый фильм «Рабочий поселок». Для Людмилы Гурченко это было счастьем, восторгом – после тишины, пустых слабеньких комедий и редких эпизодов в приличных фильмах наконец-то серьезная роль в сильной драматической картине, где главного героя играет ее любимый партнер Олег Борисов!

Роль, хоть и небольшая, действительно была серьезной, сложной и по-своему даже страшной. Людмила Гурченко играла Марию – жену Леонида Плещеева, вернувшегося с войны слепым. Мария пытается восстановить дом из пепелища и также из пепелища поднять мужа, которого сознание собственной слабости и бессмысленности сделало алкоголиком, пропивающим все, включая продуктовые карточки жены и ребенка. Наконец,

Мария не выдерживает и уезжает, бросая беспомощного, погибающего мужа.

Это была действительно сложная роль. Марию нужно было сыграть так, чтобы зритель понял, прочувствовал, что она не могла поступить иначе, что натура более слабая осталась бы и терпела, и гибла вместе с мужем, а Марии пусть и не хватило сил спасти Леонида, но она хотя бы попыталась спастись сама, вырваться из замкнутого круга, куда загнала ее жизнь.

Пожалуй, это одна из лучших ролей Людмилы Гурченко. Но как это ни печально, и эта роль, и сам фильм остались недооцененными, потому что слишком опередили свое время. На дворе стояли шестидесятые, когда на экранах были не краски, а полутона, и не артисты, а типажи. «Она обогнала время, и ей пришлось подождать, – говорил о Людмиле Гурченко режиссер Алексей Герман. – Мера ее драматизма и правдивости стала понятна, созвучна только сейчас». Лет на пять позже «Рабочий поселок» произвел бы фурор, а в 1965 году его всего лишь «заметили».

Кстати, на пробах к «Рабочему поселку» произошла забавная история, зная которую можно многое понять об удачах и неудачах Людмилы Гурченко, да и о ней самой. Дело в том, что она знала, что ее точно возьмут, другой актрисы не будет, соревноваться не с кем, а пробы проводятся лишь потому, что их по правилам положено проводить. Поэтому и явилась она на

киностудию в своем нормальном виде, не пытаясь что-то из себя изобразить. В малиновом костюме, в малиновой шляпке с бантиком и в черных ажурных чулках с розочками. Директор картины, как увидел ее, так чуть в обморок не упал и заявил режиссеру: «Володя! Через мой труп эта фифа будет сниматься в „Рабочем поселке“!»!

Ну а Людмила Гурченко тем временем загримировалась, переделалась, прошла по съемочной площадке, настраивая себя на роль, на образ, который надо будет показать в пробах. Представила себя Марией, уже почти сломленной жизнью и горем. Вот сейчас, еще один удар, и она не выдержит, бросит все, отречется от того, в чем вроде бы ее долг, и уйдет, оставив мужа-инвалида...

Надо ли говорить, что больше против ее участия в фильме директор не возражал.

Но вот чем и показательна эта история – увы, большинство людей судят по первому впечатлению и почему-то уверены, что даже самая лучшая актриса не сможет сыграть то, чем она не является. «Карнавальная ночь» и «Девушка с гитарой» на долгие годы поставили на Людмиле Гурченко клеймо легковесной фифы. Вот и получилось, что самые сильные свои годы, наполненные энергией и желанием работать, она потратила на борьбу за жизнь и на маленькие роли в слабых фильмах. Но ее время все же пришло. Правда, в 1965 году до этого еще оставалось

целых пять лет.

Глава 10

Людмила Гурченко не раз говорила, что самыми тяжелыми для нее были 1966–1970 годы. «Самая длинная дорога испытаний без работы в кино», – как назвала она сама это время. Но дело, конечно, было не только в том, что не было ролей. Их не было несколько лет до «Рабочего поселка», а она ведь не унывала. Но одно дело жить надеждами на будущее, когда тебе двадцать пять лет, и другое, когда тебе уже за тридцать, а у тебя по-прежнему ничего нет, кроме слабеющих надежд на это самое будущее. И дочери, которую надо кормить.

В эти трудные пять лет Людмила Гурченко с головой окунулась в эстраду. Правда, это только звучит красиво, а на самом деле под этим подразумевались бесконечные перелеты и переезды, маленькие клубы в глухих уголках страны и грязные номера провинциальных гостиниц. Но, пожалуй, именно эти годы сформировали ту Людмилу Гурченко, которую потом с такой страстью полюбили зрители в 70–80-е годы. Ту, которая могла так проникновенно, искренне и одновременно так восхитительно вульгарно кричать: «Девочки! Уберите свою мать! Ах ты, зараза... Людк! А Людк! Де-ре-вня!» Именно на сценах маленьких заштатных клубов родилась ее знаменитая

эксцентрика, ее элегантное жеманство, которое до сих пор так любят пародировать. Там она искала и наконец нашла новый образ, с которым вскоре стала выходить на сцену не только в составе концертных бригад, но и одна, уже с легкостью удерживая внимание зала все два часа своего творческого вечера.

Именно на эстраде она оценила, как важно актеру быть ближе к его зрителям. Ведь артист театра встречается со зрителями каждый день, видит и чувствует их реакцию, тогда как киноартист лишь спустя долгое время после съемок может узнать, как восприняла его игру публика. Да и то из вторых рук и несколько искаженно. Теперь же, выступая в самых отдаленных уголках Советского Союза, она видела, как принимают ее, как принимают других артистов. И поражалась, насколько по-разному их оценивают в их собственном кинематографическом кругу и в кругу их зрителей. Нередко бывало так, что любимца режиссеров, которого студии буквально рвали на части, публика провожала несколькими вялыми хлопками. И в то же время какому-нибудь давно не снимающемуся артисту, по мнению критиков давно уже вышедшему в тираж, устраивала настоящие овации.

Тогда же, на этих концертах она убедилась, что и ее зрители по-прежнему хорошо помнят. «Карнавальная ночь» не ограничилась триумфальным шествием по стране в год выхода на экраны, спустя десять лет ее по-прежнему любили, и поэтому на каждом концерте

приходилось обязательно исполнять песенку про пять минут. Давно ушли в прошлое скандалы, связанные с деньгами в конвертах, забылись слабые проходные роли, зрители вновь любили Людмилу Гурченко и искренне недоумевали, почему она не снимается.

На какое-то время эстрада затянула Людмилу Гурченко с головой. Но одна мысль не позволяла ей полностью окунуться в дела эстрадные и получать удовольствие от этого бешеного ритма жизни, новых впечатлений и непривычной близости со зрителями. Уезжая на очередные гастроли, она все время вынуждена была помнить, что дома у нее остался ребенок, и это наполняло ее беспокойством и заставляло все время быть на нервах, все время бояться, вдруг что-нибудь случится.

Тем более что люди, которых она просила присмотреть за Машей, далеко не всегда были такими уж старательными и обязательными, поэтому, позвонив домой за полночь, она не раз слышала в телефонной трубке голос дочери, а отнюдь не того, кто должен был уложить ее спать. Впрочем, она не знала, пугаться ей или гордиться, ведь саму Машу отсутствие опекунов не слишком тревожило, наоборот, она с удовольствием от собственной самостоятельности сообщала, что «будильник завела, телевизор выключила, газ потушила... деньги есть, все в порядке. Учусь, ты сама знаешь как».

Что обычно думает мать, услышав такое? Чаще всего начинает заниматься самокопанием и обвинять себя:

«я плохая мать, забросила ребенка», а потом решает немедленно все бросить и мчаться к этому ребенку, чтобы все время быть рядом и лично укладывать его спать, не надеясь ни на каких нянек. Людмила Гурченко не была исключением и время от времени действительно так срывалась, летела в Москву и крутилась вокруг дочери. Но длились такие «приступы» обычно не слишком долго, и причин у этого было две.

Во-первых, это только в теории выглядит красиво – посвящать все свое время ребенку. Но на деле такое себе может позволить не то что не каждая женщина, а фактически одна на десятки тысяч. Потому что для этого необходима такая составляющая, как очень хорошо зарабатывающий муж, который может обеспечить высокий жизненный уровень для себя, жены и ребенка. А в идеале еще и для того, чтобы нанять кухарку и горничную – тогда жена сможет не отвлекаться на домашние дела и полностью посвятить себя воспитанию ребенка.

Вот только вряд ли для кого-то станет неожиданностью известие о том, что так живет даже не один процент населения, а сотая доля процента. Ну а всем остальным женщинам приходится самим работать, чтобы содержать себя и детей – совместно с мужем, а нередко и без него. Людмила Гурченко в эти сотые доли процента никогда не входила, а следовательно, все ее порывы круглосуточно быть рядом с дочерью рано или поздно завершались тем,

что деньги кончались, и ей приходилось вновь мчаться их зарабатывать.

Впрочем, была и вторая причина. Людмила Гурченко никогда не была фанатичной мамашей, оберегающей ребенка от каждого дуновения ветерка. Она слишком хорошо помнила, как росла сама – в войну, в бомбежки, добывая себе еду у немцев. Помнила, как ждала мать неделями и не обижалась на нее за невнимание, потому что знала – та все делает ради нее. И вот оттуда, из военного детства, к ней пришло понимание, такое редкое для большинства родителей – что ребенка нельзя растить в тепличных условиях. Да, о нем надо заботиться, его надо любить, но над ним не надо кудахтать, он не цыпленок, а маленький человек.

Так Маша и росла – то с мамой, то без нее, учась быть самостоятельной и с самого детства общаясь со взрослыми почти на равных. Когда ей было скучно и одиноко, звонила маминым друзьям, а к ее возвращению никогда не забывала старательно составить отчет: где была, что сделала, что купила, кто звонил.

Но, конечно, самое лучшее время для них обеих наступало с приходом школьных каникул. Это время Маша, как и многие другие «театральные», «киношные» и «цирковые» дети, проводила с мамой. Ездила с ней на гастроли, сидела за кулисами во время выступлений, ночевала в гостиницах. Жизнь для ребенка нелегкая, но зато какая интересная. За одни

такие каникулы можно повидать и узнать больше, чем многим людям удастся увидеть за всю жизнь.

Но все же эта эстрадно-гастрольная жизнь не могла продолжаться вечно. Она требовала слишком много сил, как физических, так и душевных, а силы Людмилы Гурченко постепенно таяли. И не потому, что она была слабой, а потому что любые ресурсы ограничены. Безысходность наваливалась на нее словно тяжкий груз, и она уже почти не видела впереди просвета. Конечно, она не опускала рук, а продолжала делать попытки вырваться из заколдованного круга. Вот только с каждым разом такие попытки давались ей все тяжелее.

Пытаясь найти в жизни хоть какую-то стабильность, она вновь решила попробовать себя в театре и на этот раз пошла в Ленком, к Анатолию Эфросу. И поначалу все складывалось на редкость прекрасно! Ее товарищи из «Современника» согласились поддержать ее и поучаствовать в показе двух сцен из ее прежних спектаклей. Эфросу и комиссии театра ее исполнение очень понравилось, ее уже почти было взяли, но... судьба в последний момент нанесла решительный удар. Анатолия Эфроса сняли с должности главного режиссера Ленкома, и Людмила Гурченко вновь осталась не у дел.

В 1968 году ей показалось, что наконец-то в конце темного туннеля забрезжил свет. Ей удалось выступить перед комиссией, которая комплектовала группу солистов мюзик-холла для гастролей в

Польше, Румынии и Болгарии. Она исполнила свою песню «Мария», и комиссия решила, что она подходит для этой поездки. Тем более что за границей еще помнили «Карнавальную ночь», и Людмила Гурченко там считалась звездой советского музыкального кино. Зарубежные зрители ведь ничего не знали о том, какой ее подвергли травле, и о том, что ей десять лет почти не давали сниматься. Они принимали ее как звезду, а ее «Мария», обработанная для исполнения с оркестром, имела неизменный успех даже без перевода.

В этой поездке она воспряла духом и, вернувшись, была готова к новому рывку. Кино для нее по-прежнему было почти недоступно, значит, оставался театр. И она сделала третью попытку – попробовала устроиться в Театр сатиры. Вот уж где вроде бы было ее место – в то время Театр сатиры ставил именно такие спектакли, в которых она могла бы заблестать – музыкальные, веселые, в меру эксцентричные. Но... на показе ее ошеломила ледяная враждебная тишина. Ни улыбки, ни одобрительного взгляда. Кто-то было засмеялся и тут же испуганно притих. Словно они заранее сговорились ее не брать... Так оно на самом деле и было. Уже спустя несколько лет, когда звезда Людмилы Гурченко вновь засияла на весь Советский Союз, кто-то с сожалением обмолвился ей, что на общем собрании театра действительно заранее было решено, что театру она не нужна. И на показе никто не осмелился высказать свое мнение, идущее вразрез с

решением коллектива.

Глава 11

Любым человеческим силам рано или поздно приходит конец. У Людмилы Гурченко кризис наступил в 1969 году. Она уже давно сидела без работы. В кино о ней словно забыли, в театр ее не взяли, и даже в эстрадной деятельности перерыв слишком затянулся. Делать было нечего, казалось, все двери перед ней разом захлопнулись, а стучаться, рваться уже не было сил. Состояние у нее было на грани истерики, сама она о нем потом вспоминала: «Ни одного звонка. Ну отзовитесь же кто-нибудь! Ну вспомните про меня! Мне еще до конца дня несколько часов! Ну позвоните, ну постучите, ну не забывайте, ну пожалуйста!» Но звонков не было, и ей уже казалось, что она постепенно сходит с ума от этого постоянного ожидания.

Не помогло даже то, что в это время ее родители как раз решили переехать из Харькова к ней, в Москву, и теперь было кому ее поддержать, было кому заботиться о Маше, но... Возможно, именно сейчас для Людмилы Гурченко так было только хуже. Она не могла остаться одна, не могла скрыть свои переживания, ей приходилось смотреть в глаза родителей, и от их сочувствия ей становилось еще тяжелее. А как отвечать на вопросы отца, почему ее не

снимают? Как объяснить ему, чем она хуже других актрис? Она закрывалась в своей комнате или вообще сбегала из дома и подолгу бесцельно бродила по улицам.

Но однажды все – наступил срыв, она почувствовала, что силы закончились и держаться она больше не может. И тогда она сделала то, чего не делала никогда прежде, – попросила о помощи.

Лет десять назад, еще в разгар своей славы после «Карнавальной ночи», Людмила Гурченко снимала комнату в доме, где жил Бернес. И однажды в подъезде появилась надпись мелом: Бернес + Гурченко = любовь! Она была в шоке – что это? Они с ним даже знакомы не были. Ну а Бернес, увидев это, только усмехнулся и сказал, что он бы плюса не поставил. Впрочем, при следующей встрече, когда они совместно репетировали песню для международного фестиваля, он присмотрелся к ней и при расставании сказал: «Знаешь, а ведь ты дура! С твоими данными ты можешь много. Ты хорошо слышишь – это редко. Много суеты, суеты много. Много дешевки. Харьковские штучки брось. Сразу тяжело, по себе знаю. Существовай шире, слушай мир. В мире живи. Понимаешь – в мире! Простись с шелухой. Дороже, дороже все, не мельчи. Скорее выбирайся на дорогу. Зеленая ты еще и дурная... Ну, рад с тобой познакомиться».

Людмила Гурченко была растеряна, удивлена, может быть, даже немного обижена, но его совет и внимание

оценила от всей души, и с тех пор они стали друзьями. Настолько, что когда ей стало совсем плохо, она позвонила именно Бернесу.

Кому как не Бернесу было понять ее, ведь как бы он ни был знаменит, как бы сильно его ни любили зрители, было время, когда травля коснулась и его. Его обвиняли в пошлости и в зазнайстве, за какое-то мелкое нарушение правил дорожного движения его затравили в прессе, перестали снимать, не давали петь. Но он был в то время уже слишком известен и любим, чтобы его можно было так просто списать со счетов, как это проделали с молоденькой актрисой. Прошло два года, и его звезда засияла вновь. Но, конечно, он не забыл, каково ему тогда было, и как никто другой мог понять, насколько тяжело Людмиле Гурченко.

Благодаря его звонку ее снова приняли на работу в Театр киноактера.

Она и сама пыталась туда вернуться, когда уже было не до гордости – готовая снести и насмешки над тем, что нигде не смогла устроиться и прибежала с поджатым хвостом, и нравоучения о том, как надо ценить, что имеешь. Но смирение не помогло, ей сказали, что в Театр киноактера ее примут только после того, как она вновь сыграет в кино, причем непременно главную роль и непременно на главной киностудии страны, «Мосфильме». Выполнить это было, конечно же, невозможно, не говоря уж о том, что будь у Людмилы Гурченко такая роль, разве ей нужен был бы театр? Она ведь всегда была прежде

всего киноактрисой.

Ясно было, что это условие – просто издевательский повод, чтобы ее не брать. Но авторитет Бернеса сделал свое дело, и для Людмилы Гурченко вдруг нашлась штатная единица в Театре киноактера. И более того, для нее нашлись и роли, причем тут уже и помощи Бернеса не потребовалось, просто... кажется, пришло ее время.

Конечно, до того, как звезда Людмилы Гурченко засияет в полную силу, было еще долго. Но время ее действительно уже пришло, и это было ясно по тому, как быстро нашлись для нее роли в Театре киноактера, у которого к тому времени уже появилась собственная сцена, где ставились полноценные спектакли для публики. В прошлом остался тот псевдотеатр, где сидящие без работы киноартисты репетировали пьесы, которые негде ставить, только чтобы не потерять форму. Теперь в Театре киноактера жизнь кипела, причем даже более бурно, чем в других театрах, потому что у него не было такой стабильной слаженной труппы – артисты приходили, играли в спектаклях, а потом улетали на съемки в очередном фильме, и на их роли поспешно вводили кого-нибудь другого, чтобы еще через месяц или полгода он тоже ушел, уступая место очередному преемнику. У киноактеров на первом месте было именно кино, и театр был адаптирован под них. Все знали, что там играют в свободное от съемок время, и всех это устраивало. «Срочные вводы, текучесть, несколько

исполнителей на роль, разный профессиональный уровень входящих актеров – это ЧП в ином театре – здесь нормальные условия жизни труппы», – вспоминала о своей работе в этом театре Людмила Гурченко.

Вот так и ее срочно ввели в мюзикл «Целуй меня, Кэт!» на роль Бьянки. Этот спектакль шел долго и успешно, и несмотря на меняющийся состав актеров, неизменно имел успех у зрителей. Веселый, музыкальный, жизнерадостный, построенный на параллелях между Шекспиром и современностью, он был именно тем, чего жаждала уставшая от драм и полутонов публика. Это был, так сказать, спектакль о спектакле – о том, как актеры играют комедию «Укрощение строптивой», а в свободное время выясняют отношения между собой, причем ничуть не менее бурно, чем шекспировские герои. И все это с музыкой, песнями, танцами! Как раз то, о чем Людмила Гурченко и мечтала долгими месяцами вынужденного простоя.

Радость от работы омрачало только то, что Людмила Гурченко прекрасно понимала – пока она не снимается, в Театре киноактера она будет оставаться на вторых ролях. Играть второстепенные роли, заменять более востребованных в кино актрис, срочно вводиться на замену. И она смиряла гордость, мысленно напоминая себе, что после той пустоты, которая еще недавно ждала ее день за днем, это уже огромный прогресс. А роли придут – и в кино, и в

театре. Настало ведь ее время, разве не так?

Но прежде чем пришла наконец та роль, которая вывела ее из тени забвения, ей пришлось еще кое-чему научиться. Нет, не в актерском плане – актрисой она была прирожденной, да и опыта у нее хватило бы уже на десятерых. Но она начала осознавать, что максимализм, засевший где-то глубоко внутри и так и не сломленный за годы потерь и неудач, мешает ей, тормозит, не дает развиваться.

Понимание этого начало приходить к ней после очередного удара судьбы. В Театре киноактера готовили премьеру – спектакль Лопе де Вега «Дурочка», на который у театра были большие надежды. Яркий, веселый, с интересной интригой и прекрасной режиссурой – такие всегда имеют успех у зрителей. Но чтобы не ждать, пока публика раскачается и распробует новую премьеру, первоначально ее планировали привлечь в театр громкими именами на афише. Поэтому репетировала главную роль одна очень популярная в то время актриса, на которую и делалась ставка. Она должна была отыграть несколько первых спектаклей, а потом, когда спектакль будет достаточно раскручен, на роль собирались ввести менее известных исполнительниц.

И вдруг, за десять дней до премьеры выяснилось, что актриса не может играть премьеру – ей предстоит долгая зарубежная командировка. Надо было срочно заменить ее какой-нибудь другой актрисой, но не любой, а такой, которую хорошо знают зрители, – они

ведь придут в уверенности, что увидят знакомое лицо. Поэтому роль предложили Людмиле Гурченко, из артисток Театра киноактера она была единственной и с именем, и подходящей по возрасту, а главное – поющей и танцующей, ведь спектакль-то был с музыкой и танцами.

Она, разумеется, согласилась. Десять дней прошли в адском режиме, она буквально не спала и не ела, только репетировала, репетировала и репетировала. А на генеральном прогоне перед премьерой вдруг столкнулась с ледяным молчанием. Те самые люди, которые едва ли не умоляли ее спасти спектакль, теперь сидели молча и словно бы старались даже не смотреть на нее.

Все оказалось очень просто – командировка у звезды закончилась гораздо раньше, и она уже вернулась, а значит, и премьеру предстояло играть ей. Людмила Гурченко вновь осталась на обочине театральной жизни.

Конечно, она это пережила. И не просто пережила, а спустя несколько месяцев вышла на сцену в качестве замены основной актрисы и отыграла роль как надо, не думая о прошлых обидах. Видимо, и для этого пришло время – она повзрослела и как актриса, и как человек. Теперь она с сожалением вспоминала, как отказывалась от эпизодических ролей в кино, которые ей стали предлагать, когда она стала артисткой Театра киноактера. Например, один режиссер хотел, чтобы она снялась в окружении главной героини, но образ ей

надо было придумать самой. Она отказалась. Почему? Испугалась? Или сочла, что это недостойно известной актрисы? А ведь Фаина Раневская или Рина Зеленая из таких вот эпизодиков делали шедевры. И Людмила Гурченко наверняка сумела бы, если бы попыталась, а не отвергла, предпочитая ждать, когда предложат что-нибудь получше.

Но надо сказать, для такого отношения к маленьким ролям у нее тоже были причины. После «Карнавальная ночь» письма к ней шли рекой, и она старалась все их прочитать – это же пишут зрители, надо знать их мнение. А письма были очень разные, в том числе немало было и написанных людьми явно неадекватными – громкая слава всегда привлекает людей не совсем нормальных. Когда началась травля в прессе, негативных писем стало довольно много – вчерашние поклонники с удовольствием добивали поверженного кумира. Со временем эта река писем обмелела, но до конца не иссякла, люди не забыли Леночку Крылову, продолжали писать, и их письма далеко не всегда радовали Людмилу Гурченко.

«Вчера смотрела фильм „Один из нас“. Мелькнули вы в самом начале – и след простыл. Как же вам не стыдно? Что вам, есть нечего? И это после Леночки Крыловой, после Франчески?» – писал возмущенный зритель из Донецка. Ему вторил другой, из Челябинска: «Теперь вы все в ресторанчиках поете. „Взорванный ад“ смотрел – там вы в немецком ресторане, а в „Неуловимых“ – во французском. Наша

семья в вас разочаровалась. А ведь „Карнавальная ночь“ – наша молодость...»

Легко понять, как больно били такие письма актрису, которой не давали главных ролей и которая была вынуждена соглашаться на певичек в ресторанчиках... Оставим в стороне вопрос насчет вкуса этих зрителей и их представлений об актерской жизни. Пусть эстрадные номера Людмилы Гурченко – это едва ли не лучшие эпизоды третьего фильма о приключениях «неуловимых мстителей», каждый имеет право на свое мнение. Пусть ей на самом деле надо было в чем-то сниматься, чтобы было на что прокормить себя и ребенка. Хуже было другое – такие письма формировали у нее уверенность, что есть «достойные» роли, а есть «недостойные», заставляли из бессмысленной гордыни лишать себя бесценного опыта и возможности проявить себя хотя бы в эпизоде. Сколько маленьких ролей, которые могли бы шаг за шагом, ступенька за ступенькой, вывести ее из тени, она упустила? Теперь уже трудно сказать.

Случай со спектаклем «Дурочка» окончательно излечил ее от этой болезни. Она вдруг поняла, что цеплялась за мираж, за прошлое, которое уже ушло так далеко, что не имеет никакого значения. Что ей теперь, в начале 70-х давала та роль в «Карнавальной ночи»? Только более-менее известное имя, которое можно поставить на афише за неимением другого, более знаменитого. Разве об этом она мечтала? О, нет, к тому времени она предпочла бы, чтобы все забыли о

Леночке Крыловой и смотрели на нее как на совершенно новую актрису, которую никогда и нигде прежде не видели. Без шлейфа из одной звездной роли и множества неудач.

Глава 12

С того времени Людмила Гурченко решила не гнаться за химерами, а играть то, что дадут. Но что делать, если роль не совсем ей подходит? Ничего страшного – новый опыт, новые навыки никогда не лишние. С таким настроением она согласилась и на роль Матильды де ля Моль в спектакле Театра киноактера «Красное и черное» по Стендалю. Как когда-то Роксана в «Современнике», Матильда была совершенно не ее ролью, не ее образом. Но на этот раз она не собиралась по этому поводу переживать, а просто играла и получала от игры удовольствие.

Николай Еременко, ее партнер по «Красному и черному» вспоминал: «...Могу только сказать, что было очень весело. И очень интересно. Каждую секунду от нее можно было чего-то ожидать – любой импровизации, шутки, озорства какого-нибудь. Играли что угодно, только не Стендаля – это я знаю точно. И не Матильду де ла Моль. Играли, скорее, – водевиль. Если сравнивать с тем, что делала в этой роли Белохвостикова, – небо и земля. Там строгий, заданный режиссером рисунок. Тут – полная стихия,

ничем не ограниченная. Но было интересно. А с точки зрения профессии – и полезно. Поэтому я охотно принимал эту игру и был даже ей рад. Хотя нам было уже совсем не до светских манер стендалевских героев...»

Ну а вскоре и в кино наметился прогресс. Режиссер Адольф Бергункер пригласил Людмилу Гурченко в свой фильм «Дорога на Рюбецаль» на роль Шуры Соловьевой. Роль была небольшой, всего два эпизода, да и фильм давно уже забыт – он ничем особо не выделялся из череды прочих картин о войне. Но Людмилу Гурченко там заметили и запомнили довольно многие. Потому что в этих двух эпизодах она сыграла целую судьбу, печальную и трагическую.

Людмила Гурченко сыграла роль на одном дыхании. И это не преувеличение – из театра у нее была командировка в Ленинград на съемки сроком на пять дней, но она отыграла все за один день и вечером уже отправилась назад. Кстати, сильно потеряв при этом в деньгах, но разве деньги для нее могли быть важны, когда речь шла о вдохновении, о том, чтобы не сыграть роль, а по-настоящему прожить ее! Длинную сложную сцену с монологом сняли одним куском, не разбивая на эпизоды. Гурченко на этом в итоге почти ничего не заработала, но домой приехала такой счастливой, какой давно уже не была. Наконец-то она вновь смогла ощутить себя настоящей актрисой.

А летом 1971 года, когда появились критические отзывы на фильм, произошло то, чего она так долго

ждала, – журнал «Советский экран» после многолетнего молчания снова написал о ней. Пусть несколько слов, но зато каких: «Велика ли роль, если отпущено актрисе всего два эпизода? Гурченко сумела многое сказать и рассказать о «такой войне» за эти несколько минут на экране. В двух сценах она нашла возможность достоверно и точно развернуть целый характер – от низшей границы отчаяния до взлета благородства и решимости. Такая актерская щедрость и убедительность о многом говорят. Во всяком случае, с обидной повторяемостью «голубой певицы» для Людмилы Гурченко, я уверен, покончено». И журналист оказался прав. Главных ролей ей, конечно, еще пришлось подождать, но без работы Людмила Гурченко с тех пор больше не сидела.

Теперь роль следовала за ролью, телефон уже не молчал, и иногда Людмила Гурченко, наоборот, поглядывала на него со страхом – вдруг опять зазвонит, опять что-то предложат, а работы и так по горло.

Правда, работа-то была, а вот Роли с большой буквы, в которой можно было бы развернуться в полную силу, показать все, на что способна, не было. Гурченко стала актрисой второго плана, и вырваться на первый никак не получалось. Режиссеры приглашали ее на пробы для главных ролей, смотрели и отказывали. Почему? Кто знает. Может, опасались чего-то, а может быть, просто так складывались обстоятельства, что они находили кого-то более подходящего, на их

взгляд. Ведь это для нас сейчас Людмила Гурченко – это звезда, примадонна, колосс советского кино, а для них она была интересной, но не слишком удачливой и не слишком знаменитой актрисой, из тех, что хорошо смотрятся в характерных ролях второго плана.

Но она больше не собиралась унывать. Будет и главная роль, но надо не мечтать о ней, а работать, показывать себя. И она играла героиню за героиней, судьбу за судьбой. И все они были совершенно разными. Кокетливая мадам Ниниш в «Табачном капитане» пела и танцевала, покачивая хорошенькой головкой, – легкая, изящная, не обремененная заботами. Коварная Юлия Джули в «Тени» тоже пела и танцевала, но как мало общего было у этой циничной и несчастной интриганки с беззаботной мадам Ниниш... Скупая сварливая Клавдия в «Детях Ванюшина» – это уже и вовсе словно не Людмила Гурченко, – никто прежде не видел ее с таким суровым безэмоциональным лицом и сухим взглядом.

Но пожалуй, самой запоминающейся для нее самой в тот период стала роль Глафиры в фильме Владимира Фетина по роману Каверина «Открытая книга». Сам фильм не слишком удался, несмотря на блистательный актерский состав, но Людмила Гурченко так выстроила свою роль, что та стала самой запоминающейся во всей картине. Но скольких сил ей это стоило. Ведь пришлось короткими эпизодами показать целую жизнь героини, променявшей любовь

на богатство, но так и не обретшей счастья. А сыграв трагический финал – увидев, во что она превратилась и поняв, что ничего уже не изменить, Глафира кончает с собой, – она пришла домой в таком состоянии, что родители чуть «скорую» не вызвали.

Глава 13

И вот наконец настал час и для главной роли. Роли с той самой большой буквы, перевернувшей ее жизнь и сделавшей Людмилу Гурченко уже не звездочкой-однодневкой, а самой настоящей звездой.

А началось все как-то несерьезно. Весной 1973 года второй режиссер с «Ленфильма» Геннадий Беглов заскочил к ней за кулисы Театра киноактера, где она все еще играла в спектакле «Дурочка», и спросил, не хочет ли она сыграть главную роль в фильме о любви. Она, конечно же, хотела – в общем-то она хотела любую роль, а главную, да еще и о любви – тут даже спрашивать нечего. На следующий день он вручил ей сценарий фильма «Старые стены» и предупредил, что пробы завтра.

Первые десять страниц Гурченко пролистала спокойно и уверенно: курортный роман, белый танец, таинственная и очень состоятельная дама, «не ищите меня»... все как под нее написано. Но с одиннадцатой началось что-то странное – завод, производственное совещание, «выполнение плана по фактически

реализованной продукции». Что это? Перечитав еще раз, она поняла – ей предлагают роль директора завода.

Она всегда любила эксперименты, но подобная несуразица не укладывалась у нее в голове. И режиссеру Виктору Трегубовичу она сказала без обиняков: «Вы простите меня великодушно, товарищ режиссер, но я это играть не могу. Для всех это будет прекрасным поводом посмеяться. Представьте себе: моя фамилия тире директор. Представили. И можно получить приз „армянского радио“ за самый короткий анекдот».

Режиссер долго смеялся, но мнения своего не изменил, даже наоборот, одобрительно сказал, что сомнения – это хорошо, ему это нравится. И Людмилу Гурченко стали готовить к пробам. Переодели в строгий костюм, сделали гладкую прическу и вручили текст – диалог о заводских делах, хороший, серьезный, но абсолютно чуждый ей и всем ролям, которые она прежде играла. И она пыталась понять, есть ли в этой роли хоть что-то ее, понятное и близкое?

На худсовете Трегубовичу пришлось отстаивать кандидатуру Людмилы Гурченко практически в одиночку, ведь все остальные видели в ней либо характерную актрису, годную для ролей второго плана, либо вспоминали ее Леночку Крылову и качали головой: ну это же совсем не ее амплуа! Режиссер упорно отвечал: «Если проба лучшая, значит, эта актриса будет сниматься. Меня не смущает то, что она

снималась в комедии. Это даже интересно. Я ее видел в «Рабочем поселке», в пробах...» В конце концов Трегубович одержал верх, но, кажется, в то, что она на самом деле сумеет сыграть эту роль, верил только он. Ведь даже сама Гурченко в свои силы тогда не слишком верила. Она не видела себя в этой роли, не понимала героиню и иногда буквально впадала в ступор на какой-нибудь фразе из сценария, не в силах произнести ее так, чтобы она звучала естественно. Чтобы справиться с этим, она стала перечитывать сценарий по два раза в день, пытаясь вникнуть в него, уловить все нюансы, увидеть наконец свою героиню. И постепенно стало получаться, она даже начала ощущать раздвоенность между собой и тем человеком, которым становилась на съемочной площадке. Ей наконец удалось влезть в чужую шкуру. И спустя много лет, когда ее спрашивали, какая роль у нее любимая, она отвечала: «Думаю, что моя любимая роль в фильме „Старые стены“».

Фильм «Старые стены» стал для Людмилы Гурченко триумфом, вновь вознесшим ее на высоты славы. А к режиссеру Виктору Трегубовичу и его чутью она после этого прониклась таким доверием, что, как она всегда говорила, пошла бы за ним в любой фильм, не читая сценария.

Но несмотря на успех, несмотря на новый этап в жизни, 1973 год стал поворотным для Людмилы Гурченко, но отнюдь не счастливым. 17 июня она вернулась со съемок, поздно вечером пришла домой,

свалилась на кровать, но... отдохнуть не удалось. Вскоре ей позвонил отец, поговорил с ней, сказал, как соскучился – пять дней ее не видел. А еще через час с небольшим его не стало...

Потом были хлопоты, похороны, трехдневный отпуск со съемок в связи с «непредвиденными обстоятельствами»... Она делала все, как положено, и все не могла поверить, что это навсегда.

А на следующий день ей пришлось вернуться на съемочную площадку и продолжать играть роль Анны Георгиевны. Что поделать, актерская профессия не дает передышек, и никто актрису на съемках заменить не может.

Но она была даже рада – пока работаешь, можно ни о чем не думать, кроме как о роли. Наоборот, она со страхом ждала окончания съемок, когда ей придется остаться один на один со своими мыслями и воспоминаниями. Она не просто потеряла отца, но лишилась опоры и поддержки, островка чего-то постоянного и незыблемого...

Глава 14

После «Старых стен» Людмила Гурченко больше не сидела без работы и даже отключала телефон на ночь, потому что была настолько завалена работой, что у нее не хватало сил на пустые разговоры, а уж на новые предложения тем более. Следующие несколько лет она

непрерывно снималась и снималась, не всегда в главных ролях, но зато и точно не в проходных. Теперь ее имя на афише гарантировало интерес зрителей, гарантировало сборы, а главное – гарантировало, что хотя бы одна по-настоящему качественно сыгранная роль в фильме точно будет.

Она играла роль за ролью, пробуя себя все в новых образах и жанрах, и для каждой находя что-то в себе, глубоко внутри, вытаскивая из себя нужные воспоминания, чтобы перевоплотиться в другого человека – и этому тоже научили ее «Старые стены».

В фильме «Дневник директора школы» она играет небольшую роль учительницы, которая не любит детей. Это из детства, из ее старой харьковской школы, где была лишь одна хорошая преподавательница – литературы. А из остальных она создала вот этот собирательный образ учительницы, которая ненавидит новшества, не любит учеников, но крепко сидит на своем месте, и никто ей не страшен, потому что она – часть системы.

И тут же совсем другая роль – Клара Бокардон в «Соломенной шляпке». Искрящаяся весельем, очаровательная, поющая и танцующая в дуэте с блистательным Андреем Мироновым. Есть ли кто-то, кто не знает эту легкую водевильную комедию и кто не помнит, как Гурченко там поет песенку о невезучем корнете?

Валентина в «Семейной мелодраме» – снова новый образ и снова родом из детства. Сорокалетняя

женщина, уже увядающая, но еще не смирившаяся с тем, что молодость ушла. Халат с попугаями, веера из перьев и фотографии артистов на стене – все как у другой Валентины, той самой, что присматривала за маленькой Люсей во время войны, пока ее мама ходила в деревню добывать продукты.

И вновь всем известная и любимая многими поколениями зрителей музыкальная картина – «Небесные ласточки», где взбалмошная примадонна Корина, которую играет Гурченко, своей яркостью и оригинальностью явно затмевает главную героиню. Дениза прелестна, но куда ей до той тонкой ироничной пародии на зарвавшихся звезд, которую с таким вкусом и остроумием сыграла Людмила Гурченко. Остается только гадать, кого из своих коллег она вспоминала, создавая этот образ, но делала она это с несомненным удовольствием.

Разные роли, разные жанры, новые находки и новое умение находить себя в любом образе – все это буквально за пару лет создало Людмиле Гурченко репутацию актрисы, которая может сыграть что угодно, от фарса до трагедии. Именно благодаря этому ее пригласили в следующий большой серьезный фильм – на главную и очень сложную роль Нины в картине Алексея Германа «Двадцать дней без войны» по повести Константина Симонова.

Алексей Герман не слишком хотел брать ее на эту роль, о чем и сказал ей абсолютно прямо. До нее пробовались три актрисы, и ему понравилась первая,

но она чем-то не устроила автора сценария. А поскольку этим сценаристом был сам Симонов, спорить с ним было бессмысленно. Две другие актрисы не нравились Герману, и в итоге решено было остановиться на компромиссном варианте – хорошей драматической актрисе, которая роль точно не испортит. Этим компромиссом и стала Людмила Гурченко. Герман так и заявил ей, что он хотел другую актрису, поэтому фильм строить будет вокруг Юрия Никулина, ну а с ней будет работать второй режиссер.

В его словах не было злобы или желания обидеть, он сказал это совершенно по-деловому, ожидая такой же деловой реакции. Вот только Людмила Гурченко так не умела, она все всегда переживала очень эмоционально, и его слова стали для нее ударом в самое сердце. И все же она это пережила, переборола себя и вышла на съемочную площадку, готовая доказать всем, и в первую очередь Герману, что лучше нее эту роль никто бы не сыграл.

Но несмотря ни на что, о работе с Алексеем Германом Гурченко вспоминала очень тепло, восхищаясь его огромным талантом, его совершенно особенным даром искать детали и творить такое, что ей хотелось сказать: «Ах, Алеша, ну откуда ты знаешь, что мы росли так? Ведь ты тогда еще только-только родился. Талант? Талант! Разве можно дать единственную точную формулировку этому понятию?» И она тоже находила детали, создавала такой образ своей героини, чтобы ее узнали все, кто

пережил войну. Ее ремешок, которым она подпоясала шубку, вызвал настоящий восторг у членов съемочной группы, которые заметили, что на фотографиях военного времени и правда многие женщины с такими ремешками. Она не стала им рассказывать, откуда взялась такая «мода» – к чему было объяснять, что просто все пуговицы на пальто и шубах были выдраны «с мясом» во время давки за водой или едой. Те, кто узнавал в ее героине себя или своих близких, и так это знали.

А еще на съемках Людмила Гурченко подружилась с Юрием Никулиным, с которым они в этом фильме играли короткую и пронзительную, как натянутый нерв, фронтовую любовь. Кстати, для него это была первая роль, где ему надо было играть любовь, поэтому чувствовал он себя тоже несколько не в своей тарелке. Но с Гурченко они поладили сразу. Герман поселил их по соседству, чтобы они лучше познакомились и привыкли друг к другу. И вскоре Людмила Гурченко и правда знала и что Никулин ест, и какие у него привычки, и какие песни он любит петь под гитару.

Она обожала слушать, как он поет, как рассказывает анекдоты. Ее изумляло, как человек, столько переживший в жизни, может быть таким оптимистом, с таким юмором смотреть на все и «заражать» этим юмором других людей. Он умудрялся шутить даже на съемочной площадке, однажды, например, на репетиции любовной сцены, когда героиня говорит

ему: «обними меня, у тебя такие крепкие руки...», он в ответ прошептал: «О, а если бы ты знала, какие у меня ноги!» Естественно, от хохота упала сначала Гурченко, а потом попадали и все остальные, когда им объяснили причину ее веселья. Эту сцену потом сняли далеко не с первого раза, но вообще-то это было скорее исключение – хохмы не мешали Никулину идеально играть его трудную драматическую роль.

Ближе к концу съемок он стал для Людмилы Гурченко настолько родным, настолько особенным человеком, что она решилась на невероятный для нее шаг – попросила у него разрешения называть его папой. После смерти Марка Гавриловича ей чем дальше, тем больше не хватало отца, и со временем стало казаться, что она просто жить не может без того, чтобы не говорить кому-то «папа, папочка»... И Юрий Никулин стал для нее таким почти папой. После окончания съемок их пути, конечно, разошлись, но не навсегда, а как это бывает у людей творческих – где-то крутятся, где-то снимаются на разных концах страны, а потом вдруг звонок: «А это папа! Я никуда не делся!» И вновь на душе хорошо...

Фильм «Двадцать дней без войны», как и все работы Алексея Германа стал настоящим событием в мире кино. Критика писала о нем с восторгом, называла картину уникальной, невероятно достоверной, поэтической и вообще не скупилась на эпитеты. Свою долю хвалебных рецензий получила и Людмила Гурченко – несмотря на то, что ее роль урезали, что

фильм строили вокруг одного Никулина и что ее сознательно задвинули на второй план, она смогла добиться потрясающей глубины и психологической достоверности. «Литературная газета» писала о ее героине: «Все угадано точно и потому художественно. Все не рассчитано на внешний эффект, как и фильм в целом. Актриса не боится выглядеть где-то слишком грубой, где-то суховатой, где-то попросту некрасивой, необаятельной – и тем женственней, тем человечней эта Нина Николаевна, тем больше щемит своей злосчастной и поэтической правдой». А в газете «Молодой коммунар» критик обобщил, очень точно поняв и увидев то, что Гурченко и хотела показать в этой роли: «Ника не только неотделима от ташкентской зимы сорок второго, от прокуренных тамбуров, хлебных очередей, дребезжащих стеклами трамваев, она неотделима от миллионов русских женщин, вынесших на своих плечах все тяготы войны».

Глава 15

Казалось бы, после картины «Двадцать дней без войны» режиссеры должны были Людмилу Гурченко буквально рвать на части. Но судьба, видимо, решила, что уж больно у нее все хорошо, и сыграла с ней сразу две злые шутки.

Ей предложили роль в советско-французско-

румынском мюзикле «Мама» про козу и семерых козлят. Конечно, она радостно согласилась – все же главная роль, да еще и с песнями и танцами, не говоря уж о возможности выехать за рубеж. Но едва начались съемки, как новый звонок – от Никиты Михалкова, который напомнил ей, что еще несколько месяцев назад говорил, что летом пригласит ее в свой фильм «Неоконченная пьеса для механического пианино». Она вспомнила – и правда, говорил, только вот она не особо поверила и выбросила это из головы, чтобы не ждать и не расстраиваться. И вот теперь она теряла роль, да еще какую – написанную самим Михалковым лично под нее!

Она, конечно, не сдалась, сумела договориться и со съемочной группой «Мамы», и с Михалковым, составила график, чтобы успеть сняться в обоих фильмах, но... во время сцены на коньках на нее случайно наехали, сбили с ног, и вместо новой картины она отправилась на больничную койку с диагнозом «закрытый осколочный перелом обеих костей правой голени со смещением отломков». Какие уж там съемки. Врачи не были уверены даже в том, сумеет ли она ходить.

Ее лечащий врач, кандидат медицинских наук Константин Шерепо вспоминал: «Конечно, это была очень тяжелая травма. В случае неудачной операции Гурченко осталась бы инвалидом и карьера ее актерская, думаю, была бы закончена. Говорят, люди искусства очень эмоциональны и впечатлительны, с

ними трудно. К Гурченко, как к человеку, я преисполнен уважения. Она не могла не понимать, чем все это ей грозит. И гарантий тут никто не мог дать – у нас не часовая мастерская, а хирургическое отделение. Вела себя тем не менее мужественно, просто и доступно. Никаких стенаний и нытья. Спокойный, уравновешенный человек. Боли не боялась – интересовал ее только конечный результат. Она помогала нам бороться за свое выздоровление, как могла».

С «Неоконченной пьесой для механического пианино» пришлось распрощаться. А вот «Маму» надо было еще доснимать. И она вернулась на площадку, с веселой улыбкой изображала танец, а козлята старательно прикрывали ее загипсованную ногу. Зрители ни о чем не догадались, а Людмиле Гурченко пришлось еще долго лечиться, бороться, терпеть, потому что для нее конец актерской карьеры означал конец жизни.

И она вновь одолела судьбу. Меньше чем через год она уже снималась в фильме «Обратная связь» у того самого Трегубовича, который заново открыл ее зрителям в «Старых стенах».

После «Обратной связи» ей требовалось что-то новое, контрастное, чтобы окончательно почувствовать себя в форме. И она стала готовить телевизионный проект «Бенефис» – искрящийся весельем мюзикл с песнями и танцами. А у самой в ноге все еще стояли металлические скобы.

Во время съемок «Бенефиса» она в полной мере ощутила себя андерсоновской русалочкой – каждый шаг давался с болью, а ведь надо было изображать жизнерадостность, улыбаться, петь... Впрочем, нет, она не изображала. Сыграть в таком фильме, спеть все эти любимые песни, сыграть разом множество ролей – об этом она мечтала всю жизнь. И поэтому, несмотря на боль, она и правда летала словно на крыльях, чувствуя себя по-настоящему счастливой.

А потом новый поворот – фильм Андрея Кончаловского «Сибиряда», в очередной раз перевернувший всю ее жизнь. Удивительно, но ослепительная Людмила Гурченко никогда не считала себя красивой и даже в привлекательности своей то и дело сомневалась. А Кончаловский вдруг с легкостью сумел ее убедить, что она прекрасна всегда, когда хочет быть таковой. Нет смысла говорить, как важна для женщины такая уверенность в себе. С тех пор Гурченко практически перестала рефлексировать, когда ей предлагали сложную роль, стала больше верить в себя и свои силы. Не зря она говорила, что Кончаловский – это режиссер, «который про женщин знает все. Ну, если не все, то очень-очень многое».

Кстати, он же посоветовал ей написать книгу. Послушал, как она в перерывах между съемками рассказывает о своем отце, о военном детстве и решительно сказал, что ей надо написать мемуары. И ничего, что ей в школе сочинения не удавались, это было давно и уже неважно. Новая, им же внушенная

уверенность в себе сделала свое дело, и через два года на свет появилась рукопись под названием «Мое взрослое детство». И теперь уже Никита Михалков, как раз снимавший ее в «Пяти вечерах», не остался в стороне – пригласил в гости к своему отцу, великому и грозному Сергею Михалкову, где предложил ей прочесть главу из рукописи. Сергей Михалков не особо рвался слушать, он и так едва успевал отбиваться от желающих прочитать ему что-нибудь или подсунуть свое творение. Но сыну отказать не смог и согласился послушать. А потом уже сам попросил прочесть еще одну главу... И вскоре с его подачи «Мое взрослое детство» стали печатать в журнале «Наш современник».

А еще «Сибиряда» запомнилась Людмиле Гурченко тем, что ей там впервые пришлось сыграть сексуальную сцену. В Госкино, правда, запретили такое снимать, но разве же Кончаловский кого-нибудь когда-нибудь слушал. Сняли дубль, потом он отвел в сторону Никиту Михалкова (именно он был партнером Гурченко) и что-то ему сказал. И в следующем дубле тот ловко расстегнул ее бюстгальтер на восьми пуговицах – в точности такой, какие носили в 50-е, когда происходило действие фильма. А на ее изумление и возмущение спокойно заявил: «Люся, не волнуйся, этот дубль я никому не покажу. Это для заграничной копии».

«Сибиряду» они в 1979 году повезли в Канны, где он претендовал на Золотую пальмовую ветвь. Никита

Михалков был там сразу в двух ипостасях – как исполнитель роли в фильме «Сибиряда» и как режиссер с внеконкурсным фильмом «Пять вечеров», где тоже играла Людмила Гурченко.

В этом фильме она оказалась довольно неожиданно – Михалков позвонил ей в одно прекрасное утро и сказал, что у него сейчас перерыв между двумя сериями «Обломова» и он хочет за эти три месяца снять еще один фильм. Поэтому ему нужны артисты, которые смогут быстро войти в роль. Гурченко ответила, что свободна и готова немедленно приступать к работе. На самом деле она вовсе не была так уж свободна – в то время она была нарасхват. Но ради Михалкова она была готова бросить почти все, поэтому в тот же день отказалась от роли, на которую у нее уже была назначена проба и помчалась на съемочную площадку «Пяти вечеров».

Роль была сложная тем, что ее слишком часто играли. Пьеса была написана еще в 1957 году, и с тех пор ее в каком только театре не ставили, да еще и растащили по цитатам в другие фильмы и спектакли. Но Людмила Гурченко сдаваться не привыкла, да и не могла же она упасть в грязь лицом перед Никитой Михалковым, поэтому она перестала думать о том, кто и как уже играл Тамару Васильеву, и начала все с начала. Проанализировала роль, нашла в ней себя, как она это умела, влезла в шкуру героини и... почувствовала себя ею. Вот теперь было ясно – роль удастся.

Когда начались съемки, она уже настолько чувствовала себя Тамарой Васильевой, что решилась на изменение одной из ключевых сцен фильма. Вроде бы и отрепетировали они все уже, но теперь, полностью войдя в образ, она чувствовала малейшую фальшь в том, что касалось ее героини. Поэтому она подошла к Михалкову и виновато сказала: «Она не будет в „Третьем вечере“ с ним целоваться. Не будет. Она просто... ну, не может она, и все...» Тот расспросил ее о причинах, выслушал невнятные объяснения и сказал: «Ну так и скажи в кадре: „Не могу...“»

После успеха в Европе («Сибиряда» выиграла Гран-при Жюри Каннского кинофестиваля, а «Пять вечеров» получили там специальный приз) Гурченко с этими же двумя фильмами вскоре отправилась в США. И несмотря на все, чем ее пугали перед поездкой, ей там очень понравилось. Удивило доброжелательное отношение как зрителей, так и журналистов, приветливость, внимательность и тот неподдельный интерес, с каким все смотрели на нее и других советских гостей. Журналисты расспрашивали ее о жизни, о ролях, которые она играла, а когда она ответила, что начинала как актриса музыкального жанра, сразу же попросили спеть. И это было не данью вежливости или простым любопытством – в США музыкальная культура всегда была на высочайшем уровне, и даже их собственным национальным театральным жанром является именно мюзикл.

Но Людмилу Гурченко такая просьба несколько поставила в тупик. Американцы ей нравились, но она хорошо видела, какие они чужие по менталитету, да и по музыкальной культуре тоже. А ей нужно было в считанные секунды выбрать песню, которую можно спеть без аккомпанеента и причем так, чтобы слушателей она чем-нибудь зацепила...

И вдруг неожиданно для всех и в том числе для самой себя она сказала, что споет песню времен войны. Это был рискованный шаг, она сразу почувствовала, как напряглись американцы, наверняка ожидая какого-то идеологического подвоха. Но когда она запела, стало ясно – это был правильный выбор.

... Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь, друзья-однополчане?
Боевые спутники мои?..

Все сразу почувствовали, что в это лирической мелодии с отчетливыми нотками тоски нет и не может быть никакой идеологии. Погасли настороженные улыбки, у людей постарше на лбах появились горькие морщинки – война для них тоже была не просто словом... А бывший летчик, когда-то участвовавший в знаменитой встрече на Эльбе, оживился при слове «однополчане», а потом загрустил, видимо тоже вспоминая тех, с кем вместе служил.

Это был странный и интересный опыт, важный не только потому, что удалось найти тему, которую понимают и в других странах. Именно тогда Людмила Гурченко почувствовала, что пришло время воплотить ее старую мечту – спеть полузабытые песни военных лет.

Глава 16

Владимир Давиденко, аранжировщик песен, вспоминал: «Когда мы с Людмилой Марковной писали нашу композицию, ни ей, ни мне не понадобилось заглядывать в старые песенные сборники или разыскивать клавиры...» И действительно, шел 1980 год, всего тридцать пять лет назад закончилась великая война, и люди хорошо ее помнили, может быть, даже слишком хорошо. Во всем Советском Союзе не было, наверное, ни одного человека, который не потерял бы на этой войне дорогих ему людей, а значит, и военные песни были близки душе каждого.

Режиссер Евгений Гинзбург, тот же, что снимал «Бенефис» Людмилы Гурченко, полностью поддержал ее идею сделать не просто передачу или фильм, а что-то среднее между ними, не художественный и не документальный фильм-воспоминание. Такой, в котором все построено на ассоциациях. Обрывки мелодий, фотография отца на стене, перечеркнутое бумажными крестами окно, дощатый пол,

напоминающий сцены-временки на кузове грузовика – как в войну. Иногда в кадре мелькает кирпичная стена с надписью «Мин не обнаружено. Веселов».

Фильм начинался кадрами военной кинохроники, но не сражений, а солдатского быта. Потом начинала наигрывать гармонь. А потом появлялась Гурченко и просто пела. В пустой комнате, без эффектов, без танцев и концертных приемов. Причем пела не целые песни, а отрывки, почти без перехода, чтобы сохранить динамику и разнообразие. Звучали и знаменитые песни, пережившие эти три с половиной десятилетия, и песни, забытые сразу после войны...

И Людмила Гурченко угадала. Видно, и правда она уже научилась чувствовать, когда и для чего приходит время. Что зрители приняли передачу на ура, в этом не было ничего удивительного. Но с не меньшим воодушевлением к ней отнеслись и критики. «Какое счастье, – писала «Горьковская правда», – что есть человек, который появится на экране, улыбнется вам, и вы почувствуете, что душа этого человека вмещает в себя те же горести и радости, которыми болит и радуется душа ваша...» Ей вторил журнал «Советская музыка»: «фактически новый жанр... новая форма бытования песенной классики. Голоса нашей памяти – такой мы слышали эту классику сегодня». И даже суровая «Литературная газета» веско заявляла: «Пела актриса хорошо... да разве только в этом дело? Исполнение порой бывает безукоризненным, но словно бы вне прошлого. У Гурченко мы слышали

Время».

А вот одно из многочисленных писем от зрителей: «Люсенька, дорогая сестренка наша младшая, спасибо! Спасибо от всех фронтовиков, живущих и павших, за память, за песни военных лет, за то, что не исказили Вы их и сумели передать атмосферу того времени, тот настрой. Вы словно бы вернули время назад. Вспомнил я, как уходил на фронт, едва окончив школу, вспомнил Западный и Сталинградский фронты, блокадный Ленинград, смерть товарищей, горящие села и города, слезы, кровь... И удивительное фронтовое братство... И счастье Победы... Пойте чаще военные песни. Еще раз спасибо за память и за правду!»

«Песни войны» потом еще много лет показывали на каждый День Победы. Ну а Людмила Гурченко с головой окунулась в новые проекты. Она снималась в фильме за фильмом – в ставшем лидером проката 1981 года «Особо важном задании», в экранизации Островского «Красавец мужчина», в уайльдовском «Идеальном муже» и много где еще. Но самым значимым лично для нее стал фильм «Любимая женщина механика Гаврилова».

Это была особая роль – писавшаяся лично для нее с учетом ее актерских возможностей, более того, это была роль-бенефис – фактически весь фильм держался только на героине Людмилы Гурченко. Вроде бы о таком мечтает любая актриса, но... Сама Гурченко говорила, что к тому времени она стала слишком

хорошо разбираться в кино, что не лучшим образом сказывалось на ее взаимоотношениях с режиссерами. За последние пять лет она снялась в пятнадцати картинах и уже научилась видеть не только свою роль, но и сам фильм в целом. Но это видение не всегда совпадало с режиссерским. Не совпало и в этот раз. Они с режиссером Петром Тодоровским представляли ее героиню совершенно по-разному, и в итоге оба получили от фильма совсем не то, что хотели.

Гурченко нервировала Тодоровского, вмешиваясь практически во все. Она требовала менять диалоги, настояла на своем выборе свадебного платья, при виде которого он смог сказать только: «Это не моя Рита. Это „Графиня из Гонконга“», придумывала какие-то детали, вызывавшие у него раздражение. Ну и наконец, они столкнулись в вопросе о финальной сцене появления Гаврилова. По сценарию предполагалось, что того привезут санитары, всего загипсованного, в кресле на колесиках. Но чем больше Людмила Гурченко вживалась в роль, тем больший протест у нее вызывал такой финал: «Ждешь-ждешь, ищешь-ищешь какого-то необыкновенного, ни на кого не похожего, отвергаешь троих вполне приличных „товарищей“ ... И вдруг появляется герой в инвалидной коляске, весь перебитый и в гипсе». И тут на ее сторону неожиданно для режиссера встал Сергей Шакуров, которому и предстояло сыграть эту трехминутную роль Гаврилова. Потом в своей книге «Жить на всю катушку» он писал: «По сценарию мой

герой должен был появиться перед невестой в гипсе, в инвалидной коляске. Гипс не нравился мне, это какие-то „итальянцы в России“ получались. И я решил сделать сцену на несколько градусов выше. И тут придумалась милицейская машина, ребята, которые держат меня за руки, ну и сделал вот такого горячего Гаврилова. Хотя сейчас кажется, что можно было пойти еще дальше, благо предлагаемые обстоятельства позволяли. Надо было бы обязательно взять Гурченко за руку, даже если для этого пришлось разбить витрину. Это было бы очень точно по выражению накала чувств наших героев».

После съемок Тодоровский, надо отдать ему должное, ничего плохого о Людмиле Гурченко не говорил, наоборот, когда у него брали интервью, рассказывал: «Талантливая актриса работала над ролью самозабвенно, казалось, что-то глубоко личное роднило ее с героиней. Она привнесла многое, чего не было в сценарии: знание женской психологии, внутреннего мира женщины. Все это значительно углубило проблематику фильма. Рита в исполнении Гурченко – это личность сильная, страстная, неподдельная...» Но слухи об их противостоянии все же поползли, и ее стали предупреждать, что если она и дальше будет влезать в дела режиссеров, ее могут вновь перестать снимать. И никакая всесоюзная слава не поможет.

Она решила внять этим предупреждениям. Потому, несмотря на то, что за «Любимую женщину механика

Гаврилова» ей вручили Приз за лучшую женскую роль на Международном кинофестивале в Маниле, она решила временно отойти от главных ролей. И согласилась на две роли второго плана – в фильмах «Отпуск за свой счет» Виктора Титова и «Полеты во сне и наяву» Романа Балояна. И хотя вспоминала она о них с удовольствием, всем, и ей в первую очередь было ясно, что в таких ролях ей уже слишком тесно. Ей нужна была главная роль, такая, в которой можно будет проявить себя во всю мощь своего таланта. И такая роль была уже на подходе.

Глава 17

В начале 1982 года Эльдар Рязанов прислал Людмиле Гурченко сценарий своего нового фильма. Через двадцать шесть лет после их совместного триумфального дебюта – бессмертной «Карнавальной ночи» – он вновь предлагал ей работать вместе.

Тогда, двадцать шесть лет назад они не слишком ладили, слишком уж у них были разные взгляды, причем абсолютно на все. Но и расстались отнюдь не врагами, Гурченко даже пробовалась у него на главные роли в «Гусарской балладе» и в «Иронии судьбы». Но в то время Рязанов искал других актрис, более лирических. А вот теперь ему была нужна именно Людмила Гурченко со всей ее эксцентричностью. Ну а она в свою очередь прекрасно

понимала, что ролями у такого режиссера не разбрасываются, и, не раздумывая, дала согласие. Так появился один из самых гениальных рязановских фильмов «Вокзал для двоих».

Надо сказать, что задумывался Рязановым не совсем тот фильм, который получился в итоге. Он хотел снять что-то более веселое и бойкое, но в дело вмешалась случайность, которая и привела к тому, что картина вышла такой пронзительной и щемящей, со слезами, постоянно прорывающимися сквозь смех...

Дело в том, что, как это часто бывает в кино, «Вокзал для двоих» начали снимать с конца. Февраль заканчивался, снег мог того и гляди растаять, надо было срочно снимать сцены, где Вера с Платоном бегут по заснеженной дороге, чтобы успеть на проверку в тюрьме. Поехали к Люберецким карьерам, установили камеры, и актеры побежали. Первый дубль, второй, третий... Холодно, двадцатиградусный мороз, дыхание перехватывает. А Людмила Гурченко с детства панически боялась холода. Для нее холод означал войну, бомбежки, их неотопливаемую комнату в оккупированном Харькове...

После третьего дубля она упала на сиденье автобуса, который их туда привез, и сунула в рот валидол, пытаясь справиться с подкатившей к горлу паникой. Она боялась, что сейчас упадет посреди заснеженного поля и больше не сумеет подняться. И в поисках опоры ухватилась за мысль о роли. Рязанов говорил, что Вера любит Платона по-настоящему. Значит, Вера

пошла бы на этот мороз и бежала бы, пока не упала, а потом поднялась бы и бежала снова, готовая умереть, лишь бы спасти его. С этой мыслью Гурченко и вышла на следующий дубль. Она вжилась в роль, выросла в нее, и теперь готова была и правда умереть на экране.

Так и получилось, что она сыграла такую финальную сцену, после которой Рязанову пришлось снимать совсем не тот фильм, что он планировал. Потому что не мог тот сатирический водевиль, который задумывался изначально, заканчиваться на такой пронзительной ноте. И Рязанов, как настоящий художник, прекрасно это понимал.

Сценарий переделывался прямо на ходу, и в фильме это иногда заметно – некоторые эпизоды и сюжетные ходы смотрятся откровенно лишними в такой истории. Да и перепады в характерах героев выглядят не слишком обоснованными, хоть и нивелируются талантами Людмилы Гурченко и Олега Басилашвили, старавшихся придать своим персонажам психологическую достоверность. Но все это, как ни странно, пошло фильму даже в плюс, выведя его на новый уровень. Каждая сцена перестраивалась изнутри, и удивительным образом, почти без смены текста, благодаря только актерской игре и режиссуре, фильм становился глубже и драматичнее. Комедия о судьбах случайно встретившихся людей превращалась в драму о поисках нравственного родства.

И когда в финале герои бежали по ледяной пустыне, задыхаясь и умирая, но не сдаваясь, в этом не было ни

одной фальшивой ноты. Только так и мог закончиться этот фильм. На обнаженном нерве, под рвущуюся из самого сердца песню...

Живем мы что-то без азарта,
Однообразно, как в раю.
Не бойтесь бросить все на карту
И жизнь переломить свою...

Наверное, пора ненадолго отвлечься от творческой деятельности Людмилы Гурченко и сказать несколько слов о ее личной жизни. По ее биографии, да и по тому, что она сама обычно рассказывала о себе, может сложиться впечатление, что после первого неудачного брака она интересовалась только работой, лишь изредка отвлекаясь на мимолетные влюбленности. На самом деле это не совсем так. Личная жизнь у нее была и даже довольно бурная, просто она большую часть времени как-то существовала сама по себе, отдельно от творчества и даже отдельно от семьи. Семейой она считала только родителей и дочь, но никак не мужей и любовников.

Возможно, дело было частично в том, что мужчины для нее никогда не были поддержкой, опорой, крепким плечом. И она привыкла, что в трудную минуту надо обращаться к родителям – те помогут и поддержат. А мужчины... какой от них прок? Одни сплошные переживания. Такое отношение у нее сложилось после развода, и почти все последующие романы его только

закрепляли.

Во втором муже, Александре Фадееве, она разочаровалась очень быстро. Он был человеком обаятельным, но совершенно непрактичным. Как рассказывал его приятель Александр Нилин: «Фадеев ни в малой степени не интересовался ни литературой, ни искусством. Достоинства, несомненно ему присущие, лежали совершенно в иной области. Однако самое удивительное, что проявил он себя в полном блеске именно в кругу артистов и прочих деятелей художественного мира... Пока другие дети знаменитостей доказывали, он – заказывал. И не одной выпивкой и закуской ограничивался его заказ – он заказывал как бы музыку жизни, взвихренной вокруг занимаемого им ресторанного столика... Ни один человек в мире искусства не умел с такой широтой тратить деньги в ресторане, как Шура. Это вполне искупало его абсолютную неспособность их зарабатывать. Годам к тридцати он остался вовсе без средств к существованию...» Естественно, этот брак Гурченко тоже быстро распался.

Кстати, есть версия, что Фадеев был у нее не вторым, а третьим мужем – ее однокурсница Зинаида Кириенко в интервью одному журналу рассказывала, что еще во ВГИКе восемнадцатилетняя Людмила Гурченко вышла замуж за режиссера Василия Ордынского, но их брак просуществовал только год. Впрочем, ни Ордынский, ни Гурченко этого не подтверждали.

После развода с Фадеевым, ходили слухи о ее романах с актером Анатолием Веденкиным и даже с Владимиром Высоцким. Потом жизнь свела ее с художником Борисом Диодоровым, и долгое время все считали, что они поженились. Потом выяснилось, что они жили гражданским браком, который тоже достаточно быстро развалился.

В 1967 году она в очередной раз вышла замуж и в очередной раз неудачно. Ее избранником стал не менее яркий и талантливый человек, чем она сама – Иосиф Кобзон. Но союз двух талантов распался уже в 1970 году, причем по рассказам их общих знакомых, совместная жизнь у них была бурная и состояла в основном из ссор и чуть ли не драк. Сама Людмила Гурченко вспоминала об этом периоде своей жизни с открытой ненавистью: «Спускаешься к машине, которую тебе подарил супруг, и видишь там уличную *censored*тку... Это просто грязь. В браке с Кобзоном ничего хорошего не было».

После развода с Кобзоном она сблизилась со своим аккомпаниатором Константином Купервейсом, вскоре вышла за него замуж, и их брак продержался рекордный срок – целых восемнадцать лет. Купервейс был ее секретарем, директором, аккомпаниатором, а главное – наконец-то мужчиной, на которого можно было опереться. По ее автобиографическим книгам хорошо видно, как высоко она его ценила и с какой нежностью относилась к нему в первые годы их брака. Но со временем они стали отдаляться друг от друга и в

конце концов разошлись окончательно.

Последним мужем Людмилы Гурченко стал бизнесмен и продюсер Сергей Сенин, с которым она познакомилась в начале 90-х во время съемок фильма «Сексказка» по Набокову. Он был с ней рядом вплоть до ее смерти в 2011 году.

Глава 18

После «Вокзала для двоих» Людмила Гурченко по уже сложившейся традиции решила следующую роль сыграть в совершенно другом жанре. И выбрала мюзикл. Но чтобы таковой вообще стали снимать, ей пришлось обратиться с просьбой к кинематографическому начальству: «...От всей души прошу Вашего содействия помочь снять на студии „Мосфильм“ музыкальную картину, где бы я сыграла роль, а режиссер Е. Гинзбург был бы на время съемок фильма освобожден от работы в музыкальной редакции телевидения...» И ей дали добро на постановку «Рецепта ее молодости» – мюзикла по пьесе Карела Чапека «Средство Макропулоса». Наконец-то настало время, когда она могла не просто выбирать роль, но целый сценарий готовы были создать с нуля лично под нее...

Героиня этой пьесы, Эмилия, и правда живет триста лет, не старея. За эти столетия она была Эльзой Мюллер, Екатериной Мышкиной, Эллен Мак-Грегор,

цыганкой Эугенией Монтеc – принимала эликсир молодости, изобретенный ее отцом, и исчезала, меняя имена и страны, чтобы сохранить свой секрет. Ее играли многие актрисы – играли и как пустышку, которой повезло обрести бессмертие, играли и как женщину глубоко несчастную, играли как равнодушного и злого циника. Гурченко же решила не только переделать драму в мюзикл, но и создать свой образ Эмили.

Она хотела сыграть прежде всего не женщину, а актрису. Каково существовать таланту в кругу бездарностей и подлецов? А что будет с этим талантом, если ему придется оторваться от реальности, от своих корней? Эмили приходится быть некой сферической актрисой в вакууме, потому что она не принадлежит ни одному времени и ни одной стране. Это ее и губит. Истинная актриса не может вот так тлеть сотни лет, никого уже не согревая жаром своего таланта. Людмила Гурченко как бы заявляла с экрана: «Не тлеть, а жить. Пусть коротко, но ярко, с полной отдачей жизни людям, миру!»

Но несмотря на ее талант, на новый взгляд, на прекрасную команду творческих людей, работавших над этим фильмом, он получился все равно не слишком удачным. Режиссер Евгений Гинзбург прекрасно ставил музыкальные шоу, но для кино ему не хватило опыта – телевизионные приемы шли только в минус фильму, нарушая его целостность и превращая в набор концертных номеров. Да и музыка

была хоть и неплоха, но тоже не блистательна, а главное – не было настоящего хита, который могла бы запеть вся страна. Увы, но фильм, от которого Гурченко так много ждала, оставил у нее в основном ощущение обманутых надежд. Она ведь прекрасно понимала, что следующей попытки скорее всего не будет, ведь мюзикл – это жанр для молодых.

Ну а на дворе был уже 1983 год, фильм «Вокзал для двоих» лидировал в прокате и в опросах зрителей, и Людмиле Гурченко наконец-то присвоили звание народной артистки СССР. Есть легенда, что сделал это лично генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов, которому так понравился «Вокзал для двоих», что он вручил ей это звание, минуя все положенные формальности.

Не успела она отпраздновать это событие, как ей принесли телеграмму от режиссера Владимира Меньшова, который поздравлял ее со званием народной артистки СССР и предлагал приехать в Медвежьегорск, где он снимает фильм «Любовь и голуби». Обещал интересную роль, причем без проб, что было очень важно – старая фобия Гурченко так и не прошла, она по-прежнему плохо проходила пробы и поэтому терпеть их не могла. Ну что же, съемки «Рецепта ее молодости» уже завершились, она была свободна, почему бы и не сняться в новой роли. Тем более не похожей на предыдущую и тем более у Меньшова.

«На роль Раисы Захаровны я сначала пробовал Ольгу

Яковлеву и Татьяну Доронину. Таню даже утвердил, – рассказывал Меньшов. – Но пока два месяца снимали другие сцены, возникла Гурченко и органично вписалась в нашу компанию. Вообще, большинство сцен с Раисой Захаровной придумал и написал я. В комедии Гуркина у нее небольшая роль в одной сцене, когда она приходит к Наде признаваться, что они с Васей нашли друг друга. Так что весь курортный роман Кузякина пришлось дописывать. Со всеми этими астральными делами. Мы даже нашли женщину, которая всем этим увлекалась. Мои помощники ходили за ней и записывали. Потом большая часть этого бреда стала репликами Раисы Захаровны. В пьесе героини начинали драться после слов Нади „Сучка ты крашенная!“. Реплику для героини Гурченко: „Почему же крашенная? Это мой натуральный цвет“ – придумал я. И горжусь, что она стала афоризмом».

Их опыт совместной работы был достаточно сложным, они были людьми слишком разными, чтобы сработаться идеально, но при этом слишком профессиональными, чтобы не сработаться вовсе. Друзьями они в итоге не стали, но друг о друге вспоминали с большим уважением. Меньшова восхищало умение Людмилы Гурченко все схватывать на лету, мгновенно перестраиваться, входить в образ, отыскивать мелкие детали, придающие героине живость и оригинальность. Ну а ее в свою очередь поражало, как Меньшов умеет «гореть», импровизировать, на ходу менять сценарий, «пока не

доведе партитуру фильма до абсолютной чистоты, где не фальшивит ни один инструмент».

Фильм получился удивительный. Комедия о любви, измене, обидах, и при этом там нет ни одного отрицательного персонажа. Даже разлучница Раиса Захаровна в исполнении Людмилы Гурченко вызывает не неприязнь, а сочувствие – тоже ведь женщина несчастная.

Правда, фильму не слишком повезло, он вышел на экраны как раз в разгар антиалкогольной кампании. Из всех картин начали убирать эпизоды со спиртным, даже из «Чапаева» бутылку вырезали. А тут столько «пьяных» сцен! Меньшов был в ярости и отчаянии, но стоял насмерть: «Вырезать! Ну не могу, не могу я вырезать! Режьте меня! Меня режьте!» В результате его препирательств с чиновниками в фильме разрешили оставить почти все сцены, но выпустили на экраны его с большим опозданием и безо всякой рекламы. Из-за этого сборы были не слишком большими, да и на фестивали картина не успела, попала только на Международный кинофестиваль комедий в Испании, где получила главную премию.

Но чем дальше, тем больше фильм набирал обороты, и вскоре зрители уже валили на него валом, текст разобрали на цитаты, а популярность снимавшихся там актеров взлетела до небес. И надо сказать, это было очень вовремя – близился 1985 год, недолго оставалось жить спокойно и стабильно, очень скоро актерам пришлось как-то самим выживать в

изменившемся мире. И Раиса Захаровна не раз помогла Людмиле Гурченко пережить эти трудные годы.

Эпилог

Пришли 90-е. Для кино настали тяжелые времена. И хотя Людмила Гурченко не сдавалась, продолжала сниматься и играть на сцене, сумела остаться востребованной, но, конечно, таких фильмов, как прежде, у нее больше не было. Просто потому, что таких больше и не снимали.

Опять, уже в который раз, судьба подрезала ей крылья прямо на взлете.

Мир изменился. И именно поэтому книгу стоит закончить 1985 годом. До него история Людмилы Гурченко – это история творчества. С 1985 года – история выживания. Да, впереди были еще «Виват, гардемарины», «Моя морячка», «Старые клячи» и многое другое. Но «потолок» был уже достигнут в фильмах «Вокзал для двоих» и «Любовь и голуби». Людмила Гурченко вдруг оказалась в положении не так давно сыгранной Эмилии из «Рецепта ее молодости» – вроде бы талант есть, а развивать его уже невозможно, не позволяет мир, в котором ей приходится жить.

Какой бы она стала, не развалилось наше кино в 80–90-е годы? Каких высот достиг бы ее талант? Какие роли

она еще могла бы сыграть? Увы, все это вопросы без ответа...

Конечно, она выплыла. Сыграла несколько ролей в театре и кино, выпустила музыкальный диск, получила еще немало призов и наград, в том числе орден «За заслуги перед Отечеством» II степени». А в 1995 году ей вручили приз «Золотой билет» – по опросам зрителей она была признана лучшей актрисой за всю историю советского и российского кино.

Но все это было лишь признанием прежних заслуг. А новые фильмы не шли ни в какое сравнение с теми, в которых она когда-то прославилась.

Но как бы ни шутила с ней судьба, какие бы подножки ни ставила, одно всегда оставалось неизменным – стоило конференсье объявить ее имя, и ничего больше не требовалось, ни званий, ни регалий.

Людмила Гурченко – и этим все сказано. Нет в нашей стране человека, который бы ее не знал.

Автор: Екатерина Мишаненкова

Издательство: АСТ

ISBN: 978-5-17-081624-8

Год: 2014

